

На правах рукописи

АГЕЕВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**КОНВЕРГЕНТНО-ДИВЕРГЕНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РОМАНСКОГО ПЛАСТА
В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XIX – XXI ВВ.**

10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2018

Работа выполнена на кафедре русского и татарского языков федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ»

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Габдреева Наталия Викторовна

Официальные оппоненты: **Владими́рова Татьяна Евге́ньевна**
доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Институт русского языка и культуры, кафедра межкультурной коммуникации, профессор

Закамулина Миляуша Нурулловна
доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный энергетический университет», кафедра иностранных языков, заведующая

Рыжова Людмила Павловна
доктор филологических наук, доцент, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет», кафедра романской филологии, профессор

Ведущая организация – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск

Защита состоится 25 января 2019 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседания Учёного совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 25 октября 2018 г.

Учёный секретарь

диссертационного совета

И. В. Софронова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«В передовых областях компаративистики в последнее время обнаружилась определенная переоценка возможностей метода внутренней реконструкции <...>. Лишь внешнее сравнение обеспечивает соответствующий контроль и позволяет выбрать единственный максимально приближающийся к реальности вариант исторической реконструкции из многих принципиально возможных», – писал выдающийся советский компаративист Владислав Маркович Иллич-Свитыч во введении к «Опыту сравнения ностратических языков» [Иллич-Свитыч 1971, с. 2].

Природа мысли универсальна для всех живущих на земном шаре, но каждый отдельно взятый язык есть результат взаимовлияния неограниченного множества дистантных и переплетающихся факторов, всякий раз иначе определяющих специфику процесса мышления и, как следствие, способов передачи выражаемой им мысли. Наша работа – попытка исторической реконструкции моментов дивергенции и конвергенции лексических структур разносистемных языков, с привлечением в качестве материала художественной литературы, которая лишь одна способна развернуть перед глазами внимательного исследователя яркое полотно бытия «настоящего живого слова», совершающегося лишь в речи – единственной, по мнению А.А. Потебни, реальности, позволяющей реализовать его потенциал.

Проблема иноязычной лексики в национальном языке требует всестороннего и многоаспектного исследования, учитывающего данные анализа обширнейшего фактологического материала, общеизвестно однако, что галломания XIX столетия гораздо сильнее угрожала русскому языку как основе национальной идентичности, ведь «по-русски плохо знала» наиболее передовая часть общества. Велик соблазн счесть поэтическим преувеличением слова А.С. Пушкина, но факты говорят за себя: до сих пор романская лексика составляет один из наиболее значительных пластов в русском литературном языке. Длительная история французско-русских отношений, отражающая политические, экономические, культурные связи стран, достигла своего апогея в ключевую для русского языка эпоху формирования, становления и развития его современной литературной формы, что обусловило системное влияние французского языка не только на лексику, но и на другие языковые уровни: фонетику, морфемiku, фразеологию, синтаксис.

Актуальность настоящего исследования определяется, таким образом, двумя типами причин:

- гносеологическими, т.е. состоянием современной лингвистической науки, осмысливающей процесс заимствования и характеризующейся неупорядоченностью понятийного аппарата, недостаточно строгим подходом к проблеме типологии иноязычной лексики. Особую важность приобретает проблема вхождения неисконной лексики в парадигматику русского языка (в том числе те своеобразные отношения, которые возникают между формальными разновидностями слова в пределах вариантных рядов), прагматика функционирования иноязычных вкраплений, а также степень и характер влияния языка-источника, которые довольно размыто квалифицируются отечественными учеными как весьма ограниченные по сравнению с возможностями языка-рецептора, тогда как более детальное исследование характеристик формирования ассимиляционных моделей с учетом алло- и изоморфизма языков зачастую показывает недостаточность подобного подхода. Отдельного рассмотрения требует проблема функционирования т.н. «скрытых заимствований» – разноуровневых калек: в частности наименее изученным в отечественном языкознании является вопрос фразеологических и синтаксических оборотов, построенных по иноязычным образцам. Сам факт массового их функционирования в речи является показателем системного влияния закономерностей чужих сочетаемостных норм и синтаксиса языка-источника на русский, что, по нашим данным, до сих пор не отмечалось в специальной лингвистической литературе. И, наконец, динамика общих и специфических характеристик семантических структур прототипа и коррелятивного заимствования, выражающаяся во влиянии семантики французского слова на эволюцию значения галлицизма в русском языке – может быть рассмотрена со всей полнотой исключительно в плане диахронического анализа реальных речевых ситуаций, широкий репертуар которых предоставляют исследователю произведения художественной литературы;

- лингвистическими, т.е. уже отмеченным сходством языковой ситуации в российском обществе XIX в. с ее современным состоянием, что выражается не только количественными характеристиками, но и качественными (в какой-то мере можно утверждать, что именно галломания позапрошлого века в значительной степени предвосхитила и определила векторы развития процесса заимствования), а именно:

1. Языковой материал «поставляется» в основном единственным языком-источником: здесь особо важно подчеркнуть алломорфизм

языков, в значительной степени определяющий специфику соотношения дивергентно-конвергентных характеристик всех языковых уровней;

2. Иноязычные вкрапления разных типов широко функционируют в речи в самых разнообразных целях: от номинации нового понятия до выражения снобизма;

3. Активизируются процессы калькирования, причем т.н. «скрытое» заимствование протекает как на лексико-семантическом уровне, так и в области фразеологии, и в сфере синтаксиса (перенос синтаксических моделей), более того, его проявления носят системный характер;

4. Семантическая структура иноязычных слов интенсивно расширяется за счет вторичного заимствования.

Тем не менее, в научной литературе до сих пор отсутствуют монографические работы, посвященные комплексному изучению сравнительно-сопоставительных и исторических закономерностей формирования, эволюции и стабилизации пласта иноязычной лексики французского происхождения в русском языке, предпринятого на таком обширном и специфическом материале, как художественная литература XIX – XX вв.

Основной целью настоящей работы является выявление общего и специфического в системах двух разноструктурных языков на материале художественной литературы и лексикографических источников, а также коррелятивных заимствований на фоне прототипов.

Исходя из поставленной цели, предлагается решение ряда задач, отражающих сущность сформулированной проблемы:

1) описать функционирование языковых элементов французского происхождения в русской лексической системе в период начала XIX – XXI вв. на материале художественной литературы указанного периода, проследив векторы языковых изменений на разных исторических этапах с учетом дивергентно-конвергентных тенденций в обеих языковых системах;

2) выявить черты алло- и изоморфизма фонологической, акцентологической и морфологической систем двух разноструктурных языков с выделением моделей, а также общих и частных закономерностей, определяющих специфику проявления адаптационных процессов на указанных языковых уровнях;

3) описать типологию семантических отношений французских прототипов и коррелятивных заимствований, представив системную характеристику эволюции значений французского слова и галлицизма в русском языке, отражающую реальный семантический объем галлицизмов.

Научная новизна работы определяется двумя моментами: во-первых, комплексным характером предпринятого исследования галлицизмов как обширнейшего иноязычного пласта лексической системы русского языка, во-вторых, исследование предпринимается на таком специфическом материале, как художественная литература. Данный материал как никакой другой позволяет проследить динамику черт дивергенции и конвергенции лексических структур двух языков в связи с общими историческими процессами, обеспечивая в то же время возможность максимально детального анализа существующих девиаций и сопутствующих явлений. Взятый за основу принцип диахронии фокусирует внимание на этапах становления формы и содержания галлицизмов на фоне прототипов, в целом воссоздавая систему формирования пласта лексики французского происхождения в русском языке XIX – начала XXI вв., тогда как принцип максимально детального сопоставительного анализа двух языковых систем позволяет установить характер их векторного влияния

Объектом исследования, таким образом, являются отношения между лексическими единицами двух разноструктурных языков.

Предметом исследования является корреляция между французскими прототипами и галлицизмами, пришедшими в русский язык в процессе непосредственных и опосредованных, устных и письменных контактов русского языка с французским в период конца XIX – начала XXI вв.

Материалом исследования послужили данные сплошной и специальной выборки из произведений русской художественной литературы:

1) художественные тексты второй половины XVIII в., позволяющие с большей или меньшей точностью определить условия т.н. первой фиксации большинства галлицизмов в отрыве от прототипа: Д.И. Фонвизин «Бригадир» (1768), «Недоросль» (1781); Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника» (1791-1792), «Бедная Лиза» (1792), «Юлия» (1796);

2) произведения русской классической литературы, чей расцвет, как уже неоднократно упоминалось, приходится на эпоху галломании и билингвизма, причем в исследовательскую базу нами были включены не только широко известные и активно изучаемые произведения «золотого фонда» русской литературы, но также малоизвестные и неоконченные тексты известных авторов: А.С. Грибоедов «Студент» (1817), «Горе от ума» (1828); Н.А. Дурова «Записки кавалерист-девицы» (1836), «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» (1838), «Серный ключ» (1839), «Угол»

(1840); А.С. Пушкин «Евгений Онегин» (1823-1832), «Арап Петра Великого» (1827), «Роман в письмах» (1829), «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (1830), «История села Горюхина» (1830), «Дубровский» (1833), «Пиковая дама» (1834), «Капитанская дочка» (1836); М.Ю. Лермонтов «Вадим» (1832-1834), «Княгиня Лиговская» (1837), «Герой нашего времени» (1838-1841); Н.В. Гоголь «Петербургские повести» (1835-1842), «Ревизор» (1836-1842), «Мертвые души» (1842); Ф.М. Достоевский «Бедные люди» (1846), «Двойник» (1846), «Негодка Незванова» (1848), «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), «Униженные и оскорблённые» (1861), «Игрок» (1866), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868-1869), «Бесы» (1871-1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879-1880); И.А. Гончаров «Обыкновенная история» (1847), «Фрегат Паллада» (1855-1857), «Обломов» (1859), «Обрыв» (1869); И.С. Тургенев «Рудин» (1855), «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867), «Вешние воды» (1972), «Новь» (1877); А.Н. Островский «Свои люди – сочтёмся» (1849), «Не в свои сани не садись» (1852), «Доходное место» (1856), «Не сошлись характерами!» (1858), «Гроза» (1859), «Женитьба Бальзаминова» (1861), «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Лес» (1870), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872), «Волки и овцы» (1875), «Правда хорошо, а счастье лучше» (1877), «Бесприданница» (1878), «Дикарка» (1879), «Светит, да не греет» (1881), «Красавец мужчина» (1883), «Не от мира сего» (1885); Л.Н. Толстой «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Севастопольские рассказы» (1855-1856), «Два гусара» (1856), «Юность» (1857), «Семейное счастье» (1859), «Война и мир» (1863-1873), «Анна Каренина» (1873-1877); М.Е. Салтыков-Щедрин «Губернские очерки» (1856-1857), «Помпадуры и помпадурши» (1863-1874), «История одного города» (1869-1870), «Дневник провинциала в Петербурге» (1872), «Господа ташкентцы» (1873), «Господа Головлёвы» (1875-1880); А.П. Чехов «Цветы запоздалые» (1882), «Драма на охоте» (1884), «Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1896), «Три сестры» (1900), «Вишнёвый сад» (1903);

3) произведения русской художественной литературы XX в., включающие: а. произведения писателей первой волны эмиграции, в том числе и ранние тексты: А.И. Куприн «Последний дебют» (1889), «Впотьмах» (1892), «Молох» (1896), «Поединок» (1905), «Гамбринус» (1907), «Яма» (1909-1915), «Гранатовый браслет» (1910), «Последний из буржуев» (1919), «Пощёчина» (1924), «Юнкера» (1928-1932); И.А. Бунин «Деревня» (1908), «Митина любовь» (1925), «Темные

аллеи» (1937-1953); Н.А. Тэффи «Alibi» (1907), «Рысь» (1923), «Авантюрный роман» (1931), «Все о любви» (1946); М.И. Цветаева «Метель» (1918), «Фортуна» (1918), «Мой Пушкин» (1937), «Повесть о Сонечке» (1937); б. художественную прозу авторов советского периода, в том числе ранние тексты: М. Горький «Трое» (1900-1901), «Мещане» (1901), «На дне» (1902), «Детство» (1913-1914), «В людях» (1915-1916), «Мои университеты» (1923); И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев» (1928), «Золотой телёнок» (1931); М.А. Булгаков «Белая гвардия» (1922-1924); «Собачье сердце» (1925), «Записки юного врача» (1925), «Копыто инженера» (1928-1929), «Мастер и Маргарита» (1929-1940); В.П. Аksenov «Коллеги» (1959), «Апельсины из Марокко» (1962), «Мой дедушка – памятник» (1969), «Остров Крым» (1979), «Московская сага» (1992);

3) современная художественная проза: В. Пелевин «Омон Ра» (1992), «Жёлтая стрела» (1998), «Священная книга оборотня» (2004), «Ананасная вода для прекрасной дамы» (2010); Г.Л. Олди «Бездна голодных глаз» (1991-2001), «Маг в Законе» (1999), «Богадельня» (2001), «Шутиха» (2003), «Шмагия» (2004), «Приют героев» (2006); Д.И. Рубина «Ангел конвойный» (1997), «Астральный полёт души на уроке физики» (2000), «Холодная весна в Провансе» (2005), «Коксинель» (2015), В. Солдатенков «Ева», «Сантехник, его кот, жена и другие подробности», «Сантехник. Твое мое колено» и др.

В качестве иллюстративной базы привлекались материалы Национального корпуса русского языка, предоставившего хронологические и статистические данные (время фиксации галлицизма в русской речи, период функционирования вариантных рядов, частотность вхождений) и контекстуальные ресурсы, позволяющие описать эволюцию плана содержания лексических единиц в языке-рецепторе.

Среди наиболее авторитетных ресурсов языка-источника следует отметить в первую очередь Национального центра текстовых и лексических ресурсов (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales), данные которого использовались при этимологических и хронологических изысканиях в рамках французской лексической системы, и лингвистический портал «Reverso», чья электронно-поисковая база письменных памятников французского языка стала неоценимым подспорьем в исследовании семантических нюансов французского слова. В этих же целях использовались произведения французской художественной литературы: N. Boileau-Despréaux Satires (1660-1711); P. Corneille Médée (1635), Le Cid (1636), Attila (1667); J. de La Fontaine Fables (1668, 1678, 1694); Molière Sganarelle, ou le cocu

imaginaire (1660), L'école des maris (1661), L'école des femmes (1662), Tartuffe, ou l'imposteur (1664), Dom Juan, ou le festin de pierre (1665), L'avare (1668), Le malade imaginaire (1673); J. Racine Andromaque (1667), Mithridate (1673), Phèdre (1677); J.-J. Rousseau Émile, ou de l'éducation (1762); Voltaire Zadig, ou la destinée (1747), Candide, ou l'optimiste (1759), Jeannot et Colin (1764), L'homme aux quarante écus (1767), L'ingénu (1767); P. de Beaumarchais La mère coupable, ou l'autre Tartuffe (1792), Le barbier de Séville, ou La précaution inutile (1775); Le mariage de Figaro, ou la folle journée (1784); J. de Saint-Pierre Paul Et Virginie (1787); F. Chateaubriand Atala, ou les amours de deux sauvages dans le désert (1801), René (1802), Voyage En Amérique (1827); V. Hugo Les feuilles d'automne (1831), Les chants du crépuscule (1835), Ruy Blas (1838); L. de Saint-Simon Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon (1830).

Все исследуемые автором настоящей работы лексические единицы зафиксированы в произведениях художественной литературы. Большая их часть фиксируется словарями иностранных слов: Словарь русского языка XVIII в., Российский, с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником И. Нордстетом, Н.М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, А.Д. Михельсон. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней, Толковый словарь живаго великорусскаго языка В. Даля, А.Н. Чудинов Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, И.И. Огиенко Словарь общеупотребительных иностранных слов, Л.П. Крысин Толковый словарь иностранных слов, Н.Н. Епишкин Исторический словарь галлицизмов русского языка и др. Анализ семантики прототипа осуществлялся по данным толковых словарей французского языка: Le dictionnaire de la langue française d'Emile Littré, Henri Mitterand, Jean Dubois, Albert Dauzat. Dictionnaire étymologique et historique du français, Le petit Larousse illustré Dictionnaire de l'Académie française, A. Hatzfeld, Darmesteter A. Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII s. jusqu'à nos jours и др.

Основными критериями отбора единиц, вошедших в поле данного исследования, послужили как внешние (фонетико-графические) показатели, так и внутренние (семантическая структура единиц в момент заимствования). Специфика внешнего облика галлицизмов определяется в первую очередь не характерными для русского языка сочетаниями гласных или согласных:

- **-уа-, -уэ-**(*фермуар, будуар, дуэль*);
- инициальными (анлаутными) **а-, э-** (*афиша, арбалет, эмаль, таж, эстрада*);
- финальными (ауслаутными) ударными **-а, -е, -о, -и, -у, -ю** (*антраша, бра, жалюзи, меню, рагу, су, такси, тире, трюмо, филе, шапито, эжю*);
- палатальным [л'] в закрытом слоге либо на конце слова (*альбом, бульон, ваниль, вежеталь, деталь, дуэль, шаль, эмаль*);
- **-фл-, -гл-, -фр-** (*глиссада, гофре, флакон*);
- финальными (ауслаутными) сочетаниями **-он, -ан, -ен** (*балкон, бульон, марокен, талисман*) и словообразовательным оформлением языка-источника:
 - суффиксами **-ад, -анс, -ант, -аж, -ет, -ёр, -ур (-юр)**, (*абордаж, аллюр, альянс, амбразура, бриллиант, брошюра, ведет, вояж, галант, котлета, пистолет, променад, рикошет, увраж, хроникёр, шанс, шаржёр*);
 - префиксами **ре-, де-** (*дезауцировать, ремарка, ремонт, ретирада*);
 - префиксоидами **аван-, арьер-, пресс-, порт-, пасс-**(*аванпост, арьергард, паспорт, портмоне, пресс-атташе*) и т.п.

Вполне естественно, что фонетико-графические признаки не могут служить универсальным критерием отбора: значительное количество галлицизмов русского языка либо не обладали ими изначально (*дама, карта, карьера, коридор, лампа, пика, суп*), либо потеряли «французскую» графику в ходе приспособления к языку-рецептору (*генерал, магазин, салат, свита*), в связи с чем особое значение приобретает второй критерий: корреляция семантического наполнения прототипа и заимствования. Кроме того, при определении источника заимствования, при идентификации семантических новообразований учитывались этимологические данные, полученные предшествующими исследователями галлицизмов (Н.В. Габдреева, М.М. Калиневич).

Методы исследования были обусловлены целями и задачами работы. Это традиционные для лексико-исторических исследований диахронно-описательный, сопоставительный и статистический методы. Основной концепцией послужила методика ленинградских ученых Е.А. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, предусматривающая комплексный принцип при изучении заимствованной иноязычной лексики, сочетающий функциональный, формальный и историко-семантический аспекты и позволяющий проследить через историю отдельных слов общезыковые тенденции, направления и

закономерности языковых изменений и уже применявшаяся ранее для изучения конкретного пласта иноязычной лексики на конкретном материале (здесь мы имеем в виду в первую очередь фундаментальный труд Н.В. Габдреевой, посвященный историко-функциональному исследованию галлицизмов русского языка на материале переводных произведений XVIII – XX вв.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Романская лексика, ключевой как в количественном, так и в функциональном отношении иноязычный пласт русского языка, формирование которого является прямым следствием непрерывной межкультурной коммуникации и занимает более трех столетий (XVIII – начало XXI вв.) развития, является отражением социальных, экономических и психологических изменений российского общества в указанный период.

2. Нормы французской фразеологии и синтаксиса оказывали системное влияние на становление русского литературного языка на протяжении всего XIX в.

3. В силу разности фонологических систем двух контактирующих языков, лексика французского происхождения полностью встраивается в рамки принимающей системы. Тем не менее, специфика комбинаторных и позиционных изменений галлицизмов зачастую обусловлена фонематическими условиями, заданными прототипом.

4. В условиях непосредственных языковых контактов морфологические характеристики прототипа продолжают оказывать значительное влияние на оформление грамматических категорий коррелята даже при четко выявляемой разнице морфологических структур языковых систем, способствуя активизации параллельно существующих вариаций в рамках одной ассимиляционной модели.

5. В долгосрочной перспективе наиболее продуктивной моделью семантической адаптации иноязычного слова является расширение семантического объема лексических единиц, осуществляющееся за счет т.н. «вторичного заимствования», т.е. освоения языком-рецептором более или менее широкого комплекса значений прототипа.

6. Частным следствием параллельного развития семантических структур прототипа и коррелята является актуализация пар межъязыковых омонимов, причиной которой является не только семантический сдвиг в языке-рецепторе, но и лексико-семантические процессы в языке-источнике.

Теоретическая значимость диссертации. Выявлены черты конвергенции и дивергенции лексических систем двух

разноструктурных языков. Предложена типология иноязычных вкраплений, основанная на прагматике их функционирования в литературе. Описаны системные характеристики процесса калькирования фразеологических и синтаксических оборотов французского происхождения – материала, который до сегодняшнего дня в силу разных причин не являлся объектом пристального внимания ученых. Впервые в научной литературе разработана методика подробного и четкого анализа фонологической адаптации французской лексики, учитывающая алло- и изоморфные черты фонологических структур языка-источника и языка-рецептора. Уточнена и пересмотрена роль грамматического строя языка-источника в процессе морфологического освоения иноязычной лексики, выявлены универсальные и специфические закономерности обоих языковых систем, определяющие формирование и становление ассимиляционных моделей, до настоящего времени также весьма общо представленные в работах лингвистов. Впервые на материале художественной литературы предпринят контрастивный семантический анализ двух разноязыковых единиц в диахроническом аспекте, системно представляющий общие и специфические тенденции в области семантики французского слова и коррелятивного галлицизма в русском языке в ходе исторического развития в условиях непосредственного и опосредованного языкового контактирования; предложена типология динамических изменений семантической структуры заимствования на фоне прототипа. Впервые на материале художественной литературы рассматриваются такие важные вопросы общего языкознания, как неоднородность процессов языкового развития, взаимодействие формы и содержания единиц разных структурных уровней языка, разработка историко-типологического описания лексического строя разносистемных языков.

Практическая значимость диссертации. Материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении французо-русских языковых контактов, при составлении исторических словарей, в теории и практике перевода художественных текстов, при чтении лекций по общему языкознанию, теории языковых контактов и межкультурной коммуникации. Идеи и результаты исследования отражены в разработанных автором спецкурсах «Художественный дискурс французского языка», «Филологический анализ художественного текста», «Интерпретация текста», «Английские заимствования во французском языке» и в лекционном курсе «Основы языкознания».

Теоретической базой диссертации послужили научно-теоретические положения выдающихся отечественных и зарубежных

лингвистов: В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, Ш. Балли, Ф. де Соссюра, С. Трубецкого; работы современных исследователей: Э.А. Балалыкиной, Т.Е. Владимировой, Н.В. Габдреевой, В.Г. Гака, М.Н. Закамулиной, М.М. Калиневич, Л.П. Крысина, Ю.Т. Листровой-Правды, Г.Ф. Лутфуллиной, Е.В. Мариновой, М. Мартысюка, Л.П. Рыжовой, Ю.С. Сорокина, О.Г. Щитовой.

Апробация работы. Основные положения настоящего диссертационного исследования излагались в докладах и сообщениях на международных и всероссийских конгрессах, конференциях и семинарах, в том числе: Международная научно-практическая конференция «I Международные Российско-французские лингвистические чтения – 2010» (Казань, 2010), Международная научная конференция РОПРЯЛ «Язык, литература, культура на рубеже XX-XXI веков», посвященная 95-летию профессора Б.Н. Головина (Нижний Новгород, 2011), Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 2012), III Международная научная конференция «Наука о переводе сегодня: перевод и словесность» (Москва, 2013), III Международная конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка в вузе» (Москва, 2014), Международная конференция «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 2015), VI Международная научная конференция «Концепт и культура» (Кемерово – Ялта, 2016), Международная научная конференция «Фортунаговские чтения в Карелии» (Петрозаводск, 2018), INTED (Валенсия, 2016 – 2018).

Автором опубликованы монографии (Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография / Н.В. Габдреева, А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.; Становление и эволюция романского лексического пласта в языке русской художественной литературы (функциональный аспект): монография / А.В. Агеева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 130 с.), словарь технических терминов, а также 76 печатных работ (статьи, материалы докладов, тезисы). Двенадцать статей изданы за рубежом.

Структура и объем диссертации определены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы проведенного исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Определяются цели и задачи исследования, характеризуются методы, использованные в процессе исследования, кратко представляются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Теория и практика современной контактологии: диахронический анализ эволюции основных концепций»** рассматриваются исходные теоретические положения исследования: концепции заимствования в трудах отечественных и зарубежных ученых, причины заимствования и сам процесс как универсальный источник пополнения лексического состава языка. Здесь же анализируются основные подходы к типологии иноязычной лексики, и, поскольку предметом настоящего исследования являются галлицизмы русского языка, уточняется и конкретизируется содержание понятия **галлицизм**, представленное:

1. Лексическими единицами, заимствованными непосредственно из французского языка, содержащими внешние маркеры языка-источника (зачастую это не характерные для исконной русской лексики сочетания гласных и согласных, отсутствие парадигмы склонения и т.п.: *авантюра, афера, будуар, бюро, вояж, жюри, мадемуазель, меню, пальто, портрет, фермуар, экипаж, эшарп и т.д.*, а также единицы, сохранившие следы произносительных норм прототипа и близкое к нему значение: *арсенал, билет, бриллиант, камзол, реванш и т.п.*);

2. Лексическими единицами иных этимологий, пришедшими в русский язык через французский, для которых в языке-посреднике отмечается изменение понятийного поля, причем на русскую почву переносится именно этот комплекс значений: *жилет, пистоль, роба, сержант, солдат, фрак*;

3. Лексическими единицами французского происхождения, пришедшими в русский язык при посредничестве иных языков, сохранив исконную (французскую) семантику: *бутыль, кастрюля, почта*.

Не причисляются к заимствованиям дериваты от галлицизмов – т.н. слова-гибриды, пользуясь терминологией, предложенной Э. Хаугеном, т.е. лексемы, чьи компоненты восходят к разным языкам [Хауген 1972; Маринова 2012, с. 14] – и слова, фонетически близкие к прототипу, но имеющие иное, нежели в языке-источнике, значение – т.н. межъязыковые омонимы или ложные друзья переводчика [Акуленко 1975, с. 3], однако для полноты картины мы включаем их в наше исследование.

Вслед за большинством современных исследователей мы настаиваем на разграничении терминов «заимствование» и «иноязычное слово», которое жестко детерминировано требованиями современной науки, изучающей ассимиляционные процессы в сфере иноязычной лексики, среди которой можно выделить: **варваризмы и иноязычные вкрапления, экзотизмы, иноязычные слова и заимствования.**

И, наконец, в данной главе представлен ретроспективный анализ галлицизмов русского языка, описана эволюция общественного сознания и отношения говорящих к иноязычной лексике, выражающихся в двух взаимосвязанных тенденциях: языковом пуризме и ксеномании.

Вторая глава диссертации «**Особенности функциональной адаптации лексики французского происхождения в русской литературе XIX – XXI вв.**» посвящена изучению роли французского языка в русском обществе и анализу рецепции и активизации иноязычий французского происхождения в русском языке отмеченной эпохи. В параграфе «Лингвистические особенности языкового сознания естественных билингов» подробно освещается языковая ситуация, сложившаяся в российском обществе на рубеже XVIII – XIX вв., которая может быть классифицирована как **симметричный русско-французский билингвизм**, и во многом определившая становление и дальнейшее развитие норм русского литературного языка.

Анализ особенностей функционирования французских иноязычий в русской литературе указанной эпохи выявляет следующие векторы:

1. Французские элементы в значительной мере разнообразили лексику практически всех сфер жизни: политика и дипломатия, военная сфера, культура и искусство, наука, философия, мода и кулинария. С процессуальной точки зрения, следует отметить **тенденцию к детерминологизации и повышению частотности функционирования** в литературном и разговорном языке периода XIX – начала XX вв., характерную для ранее заимствованных специальных слов из числа галлицизмов, что зарегистрировано на материале художественной литературы. Проиллюстрируем на примере слова терминов театрального искусства.

Как можно увидеть на рисунке 1, слово *цена* функционирует в литературе с середины XVIII в. (первая фиксация – перевод книги Л. Хольберга «Подземное путешествие представляющее Историю разнородных съ удивительными и неслыханными свойствами животных», осуществленный С. Савицким, 1782 г.). Далее следует резкий всплеск, единица представлена в творчестве Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова и т.д. Начиная с 20-х гг. XIX столетия

график растет непрерывно, причем абсолютный максимум достигается в 1895 г.: около 220 вхождений на миллион словоформ.

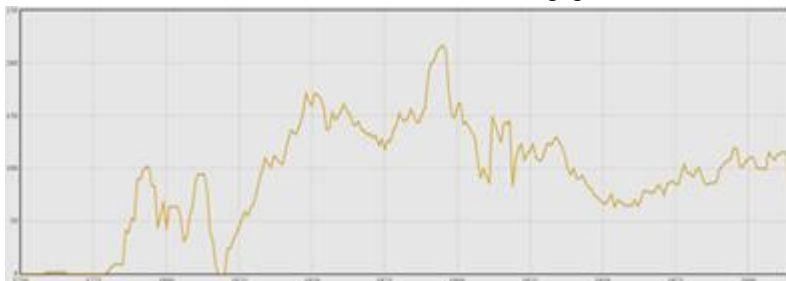

Рисунок 1 – График частотности вхождений слова *сцена*

Чуть менее впечатляющую, но столь же красноречивую картину демонстрирует график вхождений слова *актер*, представленный на рисунке 2.

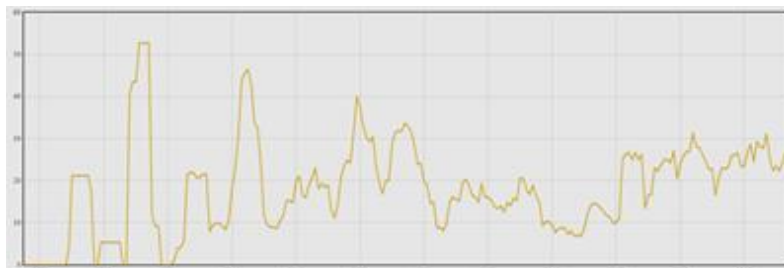

Рисунок 2 – График частотности вхождений слова *актер*

Первая фиксация единицы в художественной литературе, согласно данным национального корпуса русского языка, у А.П. Сумарокова: *Каков автор, таковы и актеры!* («Чудовищи», 1750 г.). Частотность постепенно растет практически непрерывно и достигает максимума в 1811 г. (194 вхождения), далее график резко обрывается, но и минимальные значения не опускаются ниже 9 вхождений. Женский род – *актриса* – несколько более позднее заимствование, в связи с тем, что первоначально все женские роли исполнялись мужчинами. Однако уже при Екатерине II женщина на сцене не редкость, что и демонстрирует рисунок 3:

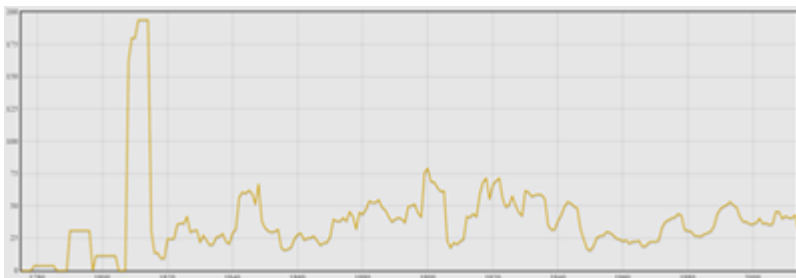

Рисунок 3 – График частотности вхождений слова *актриса*

Многочисленные **вкрапления** функционируют в русской литературе, как правило, без перевода, что свидетельствует о билингвизме русского общества отмеченной эпохи, и в самых разнообразных целях:

а. Наиболее важной функцией вкраплений, как и любого неологизма, вне зависимости от его происхождения, является **номинация** новых понятий, Невозможность подбора полноценного исконного эквивалента иноязычному слову или выражению, вызванная лакунарностью понятий и / или фоновых знаний, обеспечивает окказиональную активизацию в языке чужого элемента, который со временем может войти в язык-рецептор как полноценная лексическая единица:

...*Онегин полетел к театру,*

Где каждый, вольностью дыша,

*Готов охлопать **entrechat**...* [А.С. Пушкин. Евгений Онегин, с. 13].

Балетный термин *entrechat* вошел в обиходную речь российского общества на рубеже XVIII – XIX вв., во всяком случае «Новый словотолкователь» Н.М. Яновского его уже фиксирует: Антреша. Слово испорченное из италианского, которое значит: скок, скочек, прыжок, крыжескок и употребляется в балетах [Яновский, т. 1, с. 170].

Надо отметить, что во французский язык слово *entrechat* действительно пришло из итальянского, более того, использованный Яновским эпитет «испорченное» отчасти верен: по данным французских этимологических словарей ‘Entrechat. Étymol. et Hist. 1609 entre-chat <...>. Empr. à l’ital. (salto-) intrecciato’ [Ds. Ac. 1718-1932, цит. по: CNTRL], т.е. является результатом телескопии и французского *entrelacé* ‘переплетающийся’ и искаженного итальянского *intrecciato*).

С середины XIX в. лексема функционирует исключительно в своем современном фонетико-графическом облике [Михельсон 1865; Павленков 1907; Чудинов 1910].

б. Предложенные Э.А. Китаниной функции **демонстрации** и **языковой компетенции** мы считаем необходимым рассматривать как неделимый комплекс, интенциональные векторы которого представляют собой диалектическую противоположность: так, демонстрация направлена на «отсечение» посторонних, не умеющих прочесть тайный код, зашифрованный в иноязычии, а языковая компетенция, напротив, побуждает «посвященных» к своего рода герменевтической игре, заключающейся в поисках и верной интерпретации глубинных смыслов высказывания., напр., А.С. Пушкин вводит вкрапления в прямую речь персонажей, в их письма и внутренние монологи, напр.: *Говоря в пользу аристокрации, я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme* [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 365].

В примечаниях к «Избранным сочинениям» А.С. Пушкина в двух томах (М.: Худож.лит, 1978) указано: *Лабрюер (Лабрюйер) Жан (1645 – 1696) – французский писатель-моралист, автор книги «Характеры, или Нравы этого века» (1688). Приведенная фраза у Лабрюйера отсутствует и принадлежит самому Пушкину* [А.С. Пушкин. Избранные сочинения. Примечания А. Карпова, с. 667]. Данное наблюдение отражает тонкую игру, которую издавна практиковали европейские писатели и философы: приписывание кому-либо более авторитетному своих собственных мыслей, дабы придать им больший вес в глазах читателей. Таким образом, вкрапление играет здесь двойную роль: во-первых, язык «оригинала» придает самой цитате подлинность, отсылая к источнику, а во-вторых, на уровне макроконтекста вписывает творчество автора в европейские традиции, которые и породили подобные «игры» с читателем.

в. Достаточно частотна в русской художественной практике функция **эвфемизации**, которой наделяются иноязычные вкрапления: там, где русское выражение выглядит слишком вульгарно, иноязычный эквивалент менее груб и более пригоден к belles lettres – литературным произведениям: *canaille* вместо *сбород*, *cochonnerie* вместо *свинство*, *Zut!* или *Ah, fichtrre!* вместо *Черт!* и *Черт возьми!* Иногда вкрапление выступает эвфемизмом не окказионально, но употребляется последовательно и с определенной частотностью, и автор лишь

фиксирует этот эффект: *Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена туце самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали, как фижмы у Madame de Pompadour* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 412]. Французское выражение *à l'imbécile* служит одновременно и наименованием фасона узких рукавов с пuffed плечах, характерного для женской моды 1820 – начала 1830 гг. позапрошлого века (иначе их называли *жиго* ‘окорок’) и смягчает неблагозвучный, но точный русский эквивалент «по-дурацки».

г. Иноязычные вкрапления могут передавать особенности речи персонажа, дополняя и наделяя новыми нюансами языковой портрет (т. н. функция **индивидуализации**): напр., чтобы обозначить разницу между обычным и окказиональным в поведении героя в повести «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкин следующим образом описывает поведение своей героини во время визита отца и сына Берестовых: *Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя все это весьма забавным* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 415].

Однако и в финале повести Лиза обращается к Алексею по-французски, все еще выдерживая такой не привычный ему образ девицы из высшего света, пытаясь таким образом охладить пыл Берестова-младшего: *Лиза старалась от него освободиться... «Mais laissez-moi donc, monsieur; mais êtes-vous fou?» – повторяла она, отворачиваясь* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 416].

2. Идеологический пуризм советского периода значительно снизил возможности проникновения французских единиц в русский язык, неологизмы редки и обусловлены в основном наполнением некоторых терминосистем. Некоторая часть уже заимствованных лексических единиц покидает узус и **архаизируется**. Так, слово *кулон* с 20-х по 80-е гг. XX в. регистрирует, как свидетельствует рисунок 4, в лучшем случае одно вхождение на миллион словоформ:

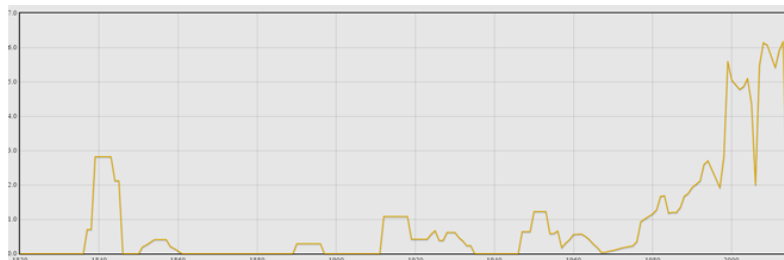

Рисунок 4 – График частотности вхождений слова *кулон*

Тем не менее, функционал подавляющего большинства единиц, заимствованных в XVIII – XIX вв., не ограничивается рамками указанной эпохи: не имеющие русских номинаций реалии, прочно вошедшие в быт российского общества, **сохраняют и даже повышают частотность** в советский период. Значительное количество галлицизмов вполне устойчивы в своем функционировании на протяжении всего XX столетия, что можно продемонстрировать на примере слова *роаль*, динамика частотности которого представлена на рисунке 5:

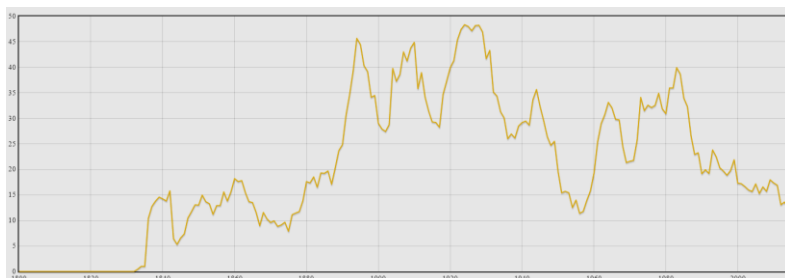

Рисунок 5 – График частотности вхождений слова *роаль*

3. В связи с коренными преобразованиями российского общества на рубеже XX – XXI вв. процессы языковых контактов вновь активизируются, что обуславливает с одной стороны заимствование русским языком «свежих» французских новообразований, в первую очередь в области моды и модной индустрии, искусства и культуры, косметологии, кулинарии, а с другой стороны – запускает процессы **реактивизации историзмов**: в 90-е гг. XX в. все большую популярность в литературе набирает фэнтези (от англ. phantasy ‘фантазия’) – направление литературы и искусства, примыкающее к научной фантастике, но основанное на использовании мифологических и сказочных сюжетов, в основе которых лежит т.н. артурианская легенда, с ее романтикой «меча и магии», в силу чего в современных фэнтезийных произведениях фиксируется активизация историзмов, номинирующих реалии средневековой эпохи. Единицы французской этимологии описывают социально-политическую организацию общества, его культурную жизнь, быт героев. Вновь отмечается большое число иноязычных вкраплений, причем функциональный репертуар их расширяется как за счет факторов лингвистических (воссоздание **хронотопа** художественного произведения, напр.: *...кроме строжайше запрещенной божбы и поминания нечистого, он умудрился выговорить все это на «ланг д’уи»*

с диким нормандским произношением [А.Валентинов. Овернский клирик]. Ланг д'уй (ланг д'ойль, langue d'oïl) – общее название романских наречий Северной Франции, употребляемое в противовес «ланг д'ок» – окситанским наречиям Южной Франции. Вкрапление, введенное в текст на второй странице романа, с достаточной степенью четкости характеризует эпоху, где разворачивается сюжет: появление понятия четко датировано началом XI в., временем правления Людовика VI Толстого), так экстралингвистических (вопросы авторского права и брендовой политики: – *Смешные эти китайцы, – сказала лучшая подруга жены. – Считают что настоящий «Dior» тот, который виден за километр. Очки стоили как новый телевизор. Мы купили их в фирменном магазине, чуть не из рук самого Диора* [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева]. Как видно из приведенного примера, в художественной литературе новейшего времени, в отличие от рекламнопублицистического дискурса, вкрапления данного типа могут приобретать дополнительную стилистико-прагматическую нагрузку, выражая иронию или сарказм, особенно в сочетании с транслитом: *Dior – Диор*).

Сохраняет свое значение **номинативная** функция, причем отсутствие билингвальной компетенции читателя автор принимает в расчет, вводя вкрапление посредством внутри- и метатекстовой экспликации, напр., *Но, чтобы получать удовольствие от жизни, надо быть **branché**...* [К. Сапгир. Париж, которого не знают парижане]. Объясняя адресату значение слова *branché*, автор дает перевод (*branchés* – подключенные), который вводит затем в качестве самостоятельного эквивалента вкрапления: *У «ордена **подключенных**» нет своего устава, но имеется круговая порука во всем – от стиля одежды до образа мыслей. Здесь же объясняет, к чему собственно «подключены» члены ордена: те, кто в курсе «последнего писка» интеллектуальной моды. Широко представлена в литературе **демонстративная** функция: В другой ситуации их вполне можно было принять за агентов бюро ритуальных услуг «**Morituri te salutant**»: черные костюмы, черные штиблеты, черные галстуки селедкой, аспидные очки и одна мина на оба лица* [Г.Л. Олди, Шутиха, с. 131]. *Morituri te salutant*, латинское выражение 'Идущие на смерть приветствуют тебя', широко известно в качестве традиционной формулы приветствия: подобным образом гладиаторы Рима отдавали честь присутствующему на трибуне цезарю. В произведении афоризм выражает явный сарказм (авторы-харьковчане, по всей видимости, иронизируют таким образом над модной тенденцией использовать иноязычные слова и выражения в названиях заведений, вне зависимости

от того, насколько это уместно), оценить который сможет лишь читатель, знающий перевод фразы и исторический контекст. Посредством **индивидуализирующей** функции вкрапления писатели новейшего времени все так же фиксируют специфику речемыслительной деятельности героя, создавая, например, контраст между социальным положением и воспитанием персонажей:

– *Tout de même* вновь прошу *фils du comte*...

– Да ладно тебе! сказал ведь: не гневаюсь!

–...о снисхождении [Г.Л. Олди. Богадельня, с. 369]. Витольд, рожденный тайно и воспитанный в деревне незаконнорожденный сын графа Жерара-Хагена Хенингского, никак не привыкнет ни к «приставучести челяди», ни к «картавому болботанию» странного слуги «со странной гремухой Камердинер», который не может простить себе, что позволил графскому сыну одеться самостоятельно.

4. **Вариантность** как отражение «борьбы» систем языка-источника и языка-рецептора, выражается в функционировании дублетных форм, как в плане синхронного изучения произведений одного автора, так и в диахроническом аспекте. Мы считаем возможным группировать всю палитру формальных вариаций по характеру расхождений: фонетические (акцентные и фонематические), графические и морфологические (словоизменительные, частным случаем которых является родовая синонимия, словообразовательные и синтаксические.

а. Среди фонетических вариантов наиболее частотны ваирирование фонем, т.е. собственно фонетический тип: *жокей* – *жоке*, *компания* – *компанья*, *маскарад* – *маскерад*, *ревматизм* – *рюматизм*, *сертук* – *сюртук*, *тюник* – *туника*, *цензура* – *ценсура*, *шарф* – *эшарп*, *аристократия* – *аристокрация*, *вакансия* – *ваканция*. Их функционирование может быть обусловлено различными факторами, наиболее частотны из которых сопротивление языка-рецептора произносительным нормам языка-источника и разнонаправленное влияние произносительных норм двух или нескольких языков, характерное для полилингвального социума.

В качестве иллюстрации первого приведем пример вариантной прадигмы лексемы *сюртук*, состоящей четырех единиц (*суртук*, *суртут*, *сертук* и *сюртук*). На рисунке 6 представлен график частотности варианта *сертук*, зафиксированного И. Нордстетом в 1782 г.:

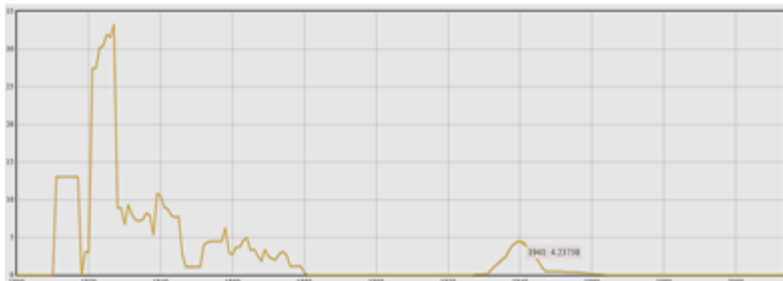

Рисунок 6 – График частотности вхождений слова *сертук*

Именно данный вариант последовательно употребляется А.С. Пушкиным: *...по праздникам надевал сертук из сукна домашней работы* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 98] и в этом же виде лексема входит в словарь В.И. Даля: «СЕРТУК, <сюртук> муж., франц. кафтан известного, немецкого покрою. Щегольской сертучок. Истасканный сертучишка. Толстый, байковый сертучища. Сертучный кафтан, с разрезом назад». Как следует из сопоставления двух графиков (на рисунке 7 представлена динамика частотности варианта *сюртук*), рост числа вхождений второго варианта практически совпадает с максимумом первого, затем *сертук* постепенно выходит из употребления.

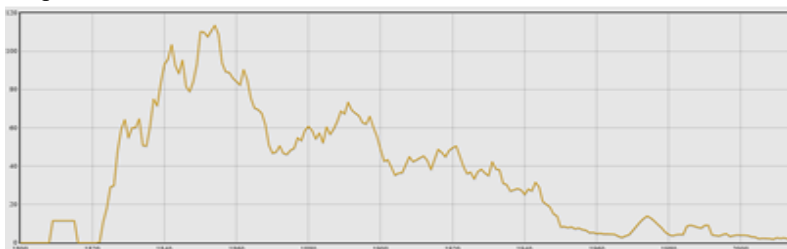

Рисунок 7 – График частотности вхождений слова *сюртук*

На наш взгляд, исчерпывающим объяснением столь длительной и интенсивной борьбы является алломорфизм фонетико-графических систем контактирующих языков: буква «ю», за счет мягкости предыдущего согласного образуя чуть продвинутый вперед аллофон фонемы [ч] – [ч̣], который наиболее точно передает французский гласный [y], не является самой частотной в русском языке.

Что касается второго фактора, обуславливающего активизацию дублетных форм, то его легко можно проследить на материале вариантной парадигмы слова *маскарад* (*машкарат*, *машкарад* и, в частности, *маскерад*): *На лбу написано: Театр и Маскерад* [А.С. Грибоедов. *Горе от ума*, с. 89]. По характерным фонетическим особенностям можно предположить, что их источником наиболее частотных форм послужили немецкий (от нем. *Masquerade*) и французский (фр. *mascarade*) языки. Динамика частотности первого варианта представлена на рисунке 8:

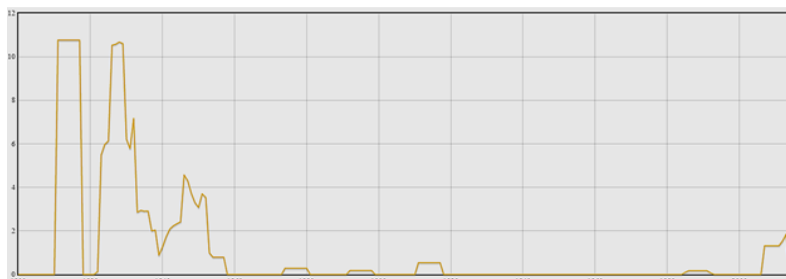

Рисунок 8 – График частотности вхождений слова *маскерад*

Однако к XIX в. форма *маскарад* вытесняет, как видно из рисунка 9, все другие лексемы вариантного ряда и последовательно употребляется как в литературе, так и в частной переписке.

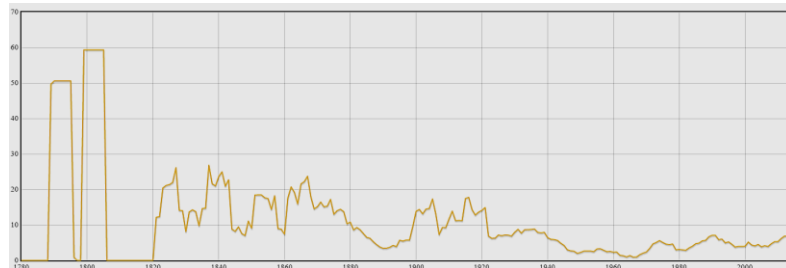

Рисунок 9 – График частотности вхождений слова *маскарад*

б. Орфографические варианты: *машкарат* – *машкарад* (*маскарад*), *рематизм* – *ремотизм* (*ремотисм*), *компания* – *компанея*, *почталион* – *почтальюн*;

в. Морфологические варианты: *ревматизм* – *ревматизма*, *тюник* – *тюника* (*туника*), *шарп* (*эшарп*) – *шарпа*, *пенсия* – *пенсион*, *карьер* – *карьера*, *галопад* – *галопада*, *пистоль* (*ж.р.* и *м.р.*).

Описанные типы вариантности сохраняются и на современном этапе:

а. Фонематические варианты: *индигенат* – *индиженат*, *маргинальный* – *маржинальный*, *биеннале* – *бьеннале*, *трансфер* – *трансферт*, *велкро* – *велькро*, *аниме* – *анимэ*, *годе* – *годэ*, *лаке* – *лакэ*, *ламе* – *ламэ*, *пате* – *патэ*, *фриволите* – *фриволитэ*, *кольеретка* – *кольеретка*, *круассан* – *круасан* – *круассон*.

б. Орфографические варианты: *а-ля фуриет* – *альяфуриет*; *от-кутюр* – *от кутюр*; *пье-де-пуль* – *пьедепуль* и т.п. В особую разновидность, нам кажется, следует выделить параллельное функционирование особых транслитерированных и нетранслитерированных форм, таких как: *Диор* – *Dior*, (*Ив*) *Сен-Лоран* – *Yves Saint-Laurent*, (*Коко*) *Шанель* – *Coco Chanel*, *Тьерри Мюглер* – *Thierry Mugler*, *Живанши* – *Givenchy*, *Пежо* – *Peugeot*, *Рено* – *Renault*, *Ситроен* – *Citroën*, высокие технологии: *Алкатель* – *Alcatel*, *Мистраль* – *Mistral*, *Леклерк* – *Leclerc* и т.д.

в. Морфологические варианты: *контрафакт* – *контрафакция*, *пролонгация* – *пролонгирование*, *траниш* – *траниша*, *бурлеск* – *бурлеска*, *кювет* – *кювета*, *саше* – *сашет*.

5. Характерной чертой языка художественной литературы первой трети XIX в. является активизация процессов **калькирования**.

Широко представлены **семантические кальки**, напр., *toucher* (*тронуть / трогать*), заимствованные еще в XVIII веке: *Поступок твоего рыцаря меня тронул, кроме шуток* [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 364]. Глагол *toucher* обладает крайне развитой семантической структурой, которая насчитывает более сорока семем, мы ограничимся лишь основным значением, которое послужило основой семантического переноса: и теми его производными, которые могут представить нам пути семантической эволюции французского слова и, в конечном итоге, непосредственный источник семантического заимствования: 1. *Sentir un objet avec la main* ‘ощущать предмет рукой’. Генерализация основной семемы отражается далее: 2. *Se mettre en contact avec un objet, de quelque autre façon que ce soit* ‘вступить в контакт с чем-л. любым способом’. Тем не менее, речь пока еще идет исключительно о физическом контакте. Источником метонимизации, по всей видимости, служит значение 10. *Recevoir, en parlant de sommes d'argent* ‘получить некую сумму денег’ – т.е. физический контакт с кошельком постепенно смещается в область абстракций, и мы находим наконец: 17. *Toucher d'un sentiment, d'une passion, exciter ce sentiment, cette passion* (здесь и далее выделено нами – А.А.) ‘тронуть чувством, страстью, вызывать чувство, страсть’ <...> 19. **Fig. Émouvoir, attendre** ‘волновать’ [Littré]. Современные словари русского языка также

фиксируют данное значение как переносное: перен., кого-что. **Вызывать какие-нибудь глубокие чувства, сочувствие, приводить в умиление.** [Ушаков 1940].

Среди **структурных** калек наиболее представлены кальки **фразеологические**, где доминирующее положение занимают многочисленные глагольные обороты, построенные по аналитической модели французского языка и часто имеющие в современном русском языке эквиваленты, состоящие из одного слова либо устойчивого выражения, использующего иной глагол, напр., *иметь в нравах* ‘avoir dans les moeurs’: *Все они имеют в нравах своих свирепость диких народов* [Н.А. Дурова. Серный ключ, с. 160]; *иметь случай* ‘avoir l’occasion’: *Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги и что не имел я случая приобрести сам собою то, что было раз упущено* [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 417]; *быть в дурном нраве* ‘être en mauvaise humeur’: *Ведь я сказала вам, что была в дурном нраве, и в этом состоянии мы обыкновенно смотрим на вещи неблагоприятно и видим их не такими, как они в самом деле, но такими, как показываются нам сквозь тот мрак, который на ту пору затемняет свет ума нашего* [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге. или невыгоды третьего посещения, с. 124]; *взять / брать участие* ‘prendre part’: *Полковник принял нас очень вежливо, просил остаться у него обедать и взять участие в их удовольствиях* [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 31]; *делать удовольствие* ‘faire plaisir’: *«Я пришлю за вами карету, – говорила она, – вы сделаете мне удовольствие, привезете с собою несколько экземпляров ваших книг. У меня просили их»* [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 277]; *войти в подробности* ‘entrer dans les details’: *Для того должен я войти в некоторые предварительные подробности* [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 417] и т.п. Синтаксическая структура фразеологических калек весьма разнообразна: гл. + нар. (*познакомиться короче*); гл. + гл. в инф. (*не замедлила явиться, предполагает быть*); прил. + сущ. (*любовная связь, хозяйственные упражнения, отличительный признак, цветущее состояние*); сущ. + сущ. (*подножье горы, эпоха жизни*).

Широко распространен другой тип структурного калькирования – синтаксический. Наиболее частотной **синтаксической калкой** является передача особенностей французского управления средствами русских предлогов и/или падежных окончаний: *Я намерена все это прочесть и начала Ричардсоном* [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 360]; *Около получаса прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился*

навстречу милой Акулины [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 309]; *Батюшка ужаснулся состояния, в котором видел мать мою...* [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14]. Кальки синтаксических оборотов французского языка легко вычлениются на материале нехарактерного для русского языка употребления союзов и союзных слов, напр., *dont*: *Вы, которых всякий шаг на счету, которым нельзя пройти двух сажень без надзора и охранения!* [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы]; *К северу граничит она с деревьями Деруховым и Перкуховом, коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинственному упражнению заячьей охоты* [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 423]; *trou... pour*: *Сильвио был слишком умен и опытен, чтобы этого не заметить* [А.С. Пушкин. Выстрел, с. 374]; *si (aussi)... que*: *Они столь целомудрены, как и прекрасны; на покушения дерзновенного отвечают сурово и выразительно* [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 424]. Французскому языку обязана активизация и высокая частотность употребления страдательного причастия прошедшего времени: *Обольстительные удовольствия света, жизнь в Малороссии и черные глаза Кирияка, как сон, изгладилась в памяти моей; но детство, проведенное в лагере между гусарами, живыми красками, рисовалось в воображении моем* [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 15]; *Однажды сидел я углубленный в критическую статью «Благонамеренного»* [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 420] и деепричастий: *просила отца моего убить ее и тем избавить нестерпимого мучения жить, был им пренебреженною!* [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14].

Спецификой указанного периода, таким образом, является системный перенос в русский литературный язык норм французской семантики, фразеологии и синтаксиса, в том числе и на синтагматическом уровне: особенностями французской сочетаемости обусловлено вхождение в русский язык новых фразеологем и синтаксических конструкций.

Третья глава диссертации «**Формальная адаптация французской лексики в русском языке**» посвящена диахроническому анализу становления формы галлицизмов в русском языке.

Во-первых, речь идет об адаптации фонологической, которую рассматривают обычно как первый этап комплексного процесса ассимиляции: специфика консонантной и вокалической систем разноструктурных языков, каковыми являются русский и французский, заключается не только в количественном отношении гласных и согласных фонем, но и в их качественных характеристиках, из чего

следует, что ни один французский гласный или согласный не является идентичным русскому гласному или согласному соответственно, в результате чего в заимствуемых из французского языка словах всегда происходит субституция иностранных фонемных средств русскими.

Наше исследование предлагает анализ закономерностей фонологической адаптации с учетом особенностей фонологической организации русского языка, где не только позиционные, но и комбинаторные изменения проявляются намного сильнее, что в значительной мере расширяет фонологические возможности русского языка при передаче французских звуков.

Так, в зависимости от позиции гласного в слове французские гласные передаются либо схожей фонемой русского языка в сильной (ударной) (например, [a], [ɑ] – [a]: *cadriille* – кадрили, *frac* – фрак, *garde – gvardia*, *limonade* – лимонад, *mada[a]me* – мада[а]м, *masse* – масса, *phrase* – фраза, *terrasse* – терраса) либо его аллофонами [ʌ], [ʊ] в слабой (*salope* – салон, *amour* – амур, *allée* – аллея, *cabinet* – кабинет, *ca[a]valier* – ка[ʊ]валер, *flageolet* – флажолет, *ma[a]scarade* – ма[ʊ]скаррад, *tartine* – тартинка), причем имеет значение как позиционные характеристики гласной по отношению к ударному слогу, но и комбинаторные – т.е. палатализация предшествующей согласной либо отсутствие таковой (например, в случае [ɛ], [e] происходит субституция французских гласных аллофонами фонемы [и] / [ы]: [и³]: *appétit* – аннетум, *idéal* – идеал, *ressort* – рессора, *saison* – сезон, *théâtre* – театр, *terrasse* – терраса, *zéphyr* – зephyр), [ы³]: *chef[ɛ]f d'oeuvre* – ше[ы³]девр, *intervalle* – интервал, *proté[e]gé* – протеш[ы³]же, [ь]: *littérature* – литература, *numéro* – номер), [ь]: *cé[e]rémonie* – цеш[ь]ремония, *procédure* – процедура).

Отдельно стоит проблема передачи фонемы [ə] – т.н. е caduc (беглая е), артикуляционно совпадающей [œ], причем проблема передачи данного звука заключается не в подборе соответствующего гласного русского языка, а в фиксации случаев ее сохранения / выпадения при заимствовании. Однако в данном случае четко прослеживается корреляция с правилами языка-источника, где произнесение е caduc регулируется определенными нормами:

1. [ə] не произносится: а. перед гласным либо после него (*flageolet* – флажолет); б. в быстрой речи между двумя согласными, окруженными в свою очередь гласными: (*bracelet* – браслет, *caleçon* – кальсоны, *canvas* – канва, *cauchemar* – кошмар, *décolleté* – декольте, *ommelette* – омлет).

В официальной либо торжественной речи фонема [ə] в данном окружении может сохраняться, что дало начало вариантным рядам,

часть которых сохранила свою актуальность до наших дней, напр., *mademoiselle* – мадемуазель/мадмуазель, сравнительная динамика частотности которых представлена на рисунках 10 и 11.

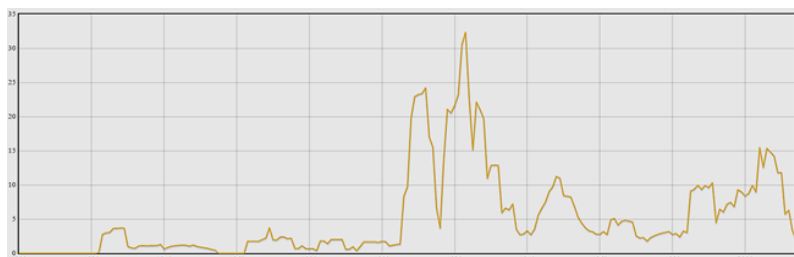

Рисунок 10 – График частотности вхождений слова *мадемуазель*

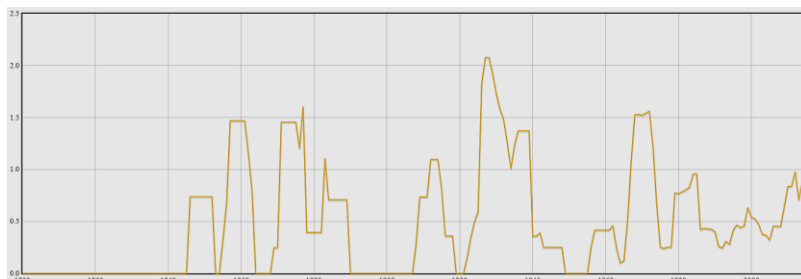

Рисунок 11 – График частотности вхождений слова *мадмуазель*

2. [э] как правило произносится: а. внутри группы, состоящей из трех или более согласных (т.н. правило трех согласных): *arsenal* – арсенал, *corps de ballet* – кордебалет, *garde-robe* – гардероб, *marmelade* – мармелад, *se[э]crétaire* – се[у]кретарь, *parvenu* – парвеню; б. перед сочетанием [г], [л], [п]: *atelier* – ате[ы]лье, *denier* – денье, *re[э]lief* – ре[у]льеф; с. в начальном слоге: *che[э]velure* – ше[ы]велюра, *de jour* – дежурный, *devise* – девиз, *recrue* – рекрут, *redoute* – редут, *remonte* – ремонт, *revanche* – реванш, *ve[э]dette* – ве[у]дет.

При сопоставлении консонантных систем французского и русского языков первой обращает на себя внимание количественная асимметрия консонантных элементов: 35 и 17, чуть более чем двукратное превосходство в пользу русского языка. Этот разрыв реализуется за счет оппозиции по твердости-мягкости, охватывающей в русском языке абсолютное большинство согласных фонем. В целом, несмотря на более четкую и напряженную артикуляцию французских

согласных фонем, большинство из них вполне коррелирует с соответствующими русскими, поэтому в процессе заимствования они полностью включаются в русскую фонологическую систему, принимая правила оглушения в позиции конца слова и палатализации перед гласными переднего ряда.

Определенную трудность в освоении представляет французская среднеязычная фонема [ɲ] чужда звуковой системе русского языка. Единой интерпретации при заимствовании не существует, однако некоторые более или менее последовательные ряды корреляций позволяют сделать следующие выводы: а. В зависимости от качества следующего за ним гласного [ɲ] передается в русском языке как [л]: *blondes* – блонды, *diplomat* – дипломат, *galant* – галант, *galop* – галоп, *laquais* – лакей, либо как [л']: *allée* – аллея, *arbalète* – арбалет, *bracelet* – браслет, *collègue* – коллега, *épaulette* – эпюлет, *filet* – филе, *pistolet* – пистолет, *soufflé* – суфле; б. Французская [ɲ], в закрытом слоге, в абсолютном конце слова передается русской [л]: *arsenal* – арсенал, *bal* – бал, *bocal* – бокал, *canal* – канал, *carnaval* – карнавал, *général* – генерал, *intervalle* – интервал, *journal* – журнал, *signal* – сигнал (оформляя имена существительные мужского рода), либо [л']: *châle* – шаль, *duel* – дуэль, *flanelle* – фланель, *morale* – мораль, *pistole* – пистоль, *rôle* – роль (оформляя женский род). В середине слова звук [л'], конечный в закрытом слоге, зафиксирован, например, в словах *album* – альбом, *calque* – калька; [л] же регистрируется в словах *soldat* – солдат, *sultan* – султан. В закрытом слоге [л'] звучит также в той ситуации, когда в оригинале выпадает е беглая: *décolleté* – декольте – и в сочетании [lj]: *atelier* – ателье, *collier* – колье.

Единственной мягкой согласной французского языка является фонема [ɲ]. В результате рецепции содержащих данную фонему галлицизмов мы выделим два способа возможной ее передачи: а. В конце слова [ɲ] передается русским [н']: *vigogne* – вигонь (ср. собственные имена: *Gascogne* – Гасконь, *Champagne* – Шампань, *Bretagne* – Бретань); б. Внутри слова довольно устойчиво наблюдается йотация следующей за [ɲ] гласной, отсутствующая во французском языке, в результате чего фонема передается сочетанием [н'й]: *champignon* – шампиньон, *compagnon* – компаньон.

Конечный немой согласный французского прототипа в абсолютном большинстве случаев становится произносимым в русском языке, т.е. фонетически иноязычное слово оформляется согласно графическому облику прототипа: *appétit* – анпетит, *ballet* – балет, *billet* – билет, *brillant* – бриллиант, *cabinet* – кабинет, *courrier* – курьер, *paquet* – пакет, *pistolet* – пистолет, *portrait* – портрет.

Французские двойные согласные, произносимые в языке-источнике как соответствующие единичные звуки, передаются в литературе чаще в фонетическом варианте: *arrière-garde* – *арьергард*, *attaque* – *атака*, *barrière* – *барьер*, *carrière* – *карьер*, *courrier* – *курьер*, *disquette* – *дискета*, *intervalle* – *интервал*, *toilette* – *туалет*, *vedette* – *ведет*. Графическая норма французского языка, выражающаяся в удвоении согласной, встречается лишь в редких случаях: *allée* – *аллея*, *allure* – *аллюр*, *ballade* – *баллада*, *classe* – *класс*, *illusion* – *иллюзион*, *nécessaire* – *неесесер*, *ressort* – *рессора*.

Французские аппроксиманты [w], [ɥ] всегда выступают в сочетании с гласными, в русском языке ассимиляция проходит по модели гласная + гласная: *bouloir* – *будуар*, *couloir* – *кулуар(ы)*, *emploi* – *амплуа*, *fermoir* – *фермуар*, *répertoire* – *репертуар*, *voile* – *вуаль*, причем разница между ними нивелируется и согласный в препозиции к [ɥ] остается твердым: *conduit* – *кондуит*, *duel* – *дуэль*, *statuette* – *статуэтка*.

Сонант [j] близок к русскому [й], что и обусловило его последовательную передачу соответствующим звуком: *alliance* – *альянс*, *atelier* – *ателье*, *barrière* – *барьер*, *carrière* – *карьер*, *client* – *клиент*, *courrier* – *курьер*, *manaque* – *маньяк*, *première* – *преьера*. Тот же сонант [j], графически передающийся сочетанием -il(l) в позиции перед гласным, последовательно передается в русском языке переднеязычной фонемой [л']: *artillerie* – *артиллерия*, *billet* – *билет*, *quadrille* – *кадриль* и *canaille* – *каналья*, *cotillion* – *котильон*, но: *une ratatouille* – *рататуй*.

Основной тенденцией акцентологической адаптации галлицизмов является **сохранение ударения языка-источника** на последнем произносимом слоге основы. Часть галлицизмов приобретает новое ударение в языке-рецепторе, причем акцентный сдвиг наблюдается по всей парадигме:

1. Большая часть имен существительных мужского рода, оформленных во французском языке с помощью суффикса -teur, при заимствовании оформляющихся функционирующим в русском языке суффиксом -тор. При этом отмечается перенос ударения с последнего слога на предпоследний, так как в русском языке суффикс -тор, как правило, безударный: *commentateur* – *комментатор*, *rédacteur* – *редактор*, *restaurateur* – *ресторатор*, *un générateur* – *генератор*, *un respirateur* – *респиратор*, *un sécateur* – *секатор*;

2. Заимствования с финалью -амент: *département* – *департамент*, *parlement* – *парламент* и, после долгих колебаний в форме существительное *коносамент (connaissance)*.

3. Заимствования с суффиксом *-tion / -ation*, который трансформируется в конечное *-ция*: *position* – позиция, *construction* – конструкция, *irritation* – ирритация, *portion* – порция, *restauration* – ресторация, *station* – станция.

4. Французские существительные женского рода, оформленные в языке-источнике суффиксами *-ion*, *-ée* либо *-ie*: *armée* – армия, *cavalerie* – кавалерия, *cérémonie* – церемония, *compagnie* – компания, *infanterie* – инфантерия, *ironie* – ирония, *pension* – пенсия, *provision* – провизия, *religion* – религия.

Смещение ударения в отдельных словоформах зарегистрировано нами лишь в некоторых односложных словах, напр., *бал*: на *балу́* (на *бале* устар.), [Ушаков 1935]; на *балу́* и (устар.) на *бале* [Ожегов 1973]; на *балу́* [Дмитриев 2003]. Учитывая расхождения даже в пределах данных одного словаря, попытаемся установить примерное время акцентного сдвига. Так, сравнительный анализ частности словоформ *на бале* и *на балу* показывает соответственно:

- активизация формы *на бале* датируется 1784 г., далее, как видно из рисунка 13, пики частотности формы приходятся на 1797 и 1837 г., далее значения резко падают.

Рисунок 13 – График частотности вхождений словоформы *на бале*

- активизация формы *на балу* относится к 1810 г., далее из рисунка 14 следует, что экстремума график достигает в 1911 г., полностью вытесняя первый вариант.

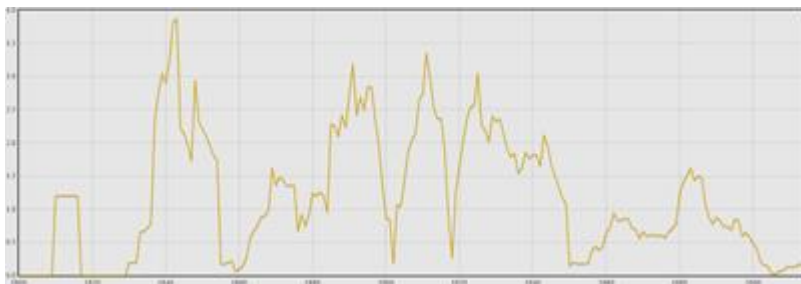

Рисунок 14 – График частотности вхождений словоформы *на балу*

В произведениях, переписке и дневниковых записях Серебряного века данная форма наиболее частотна, что подтверждает статистические данные и позволяет установить период окончательного смещения ударения на окончание слова.

По прохождении стадии фонологической и акцентологической адаптации начинается второй этап ассимиляции слова – включение в морфологическую систему и понятно, что чем больше алломорфизм сравниваемых языков, тем более заметны адаптационные изменения. Поскольку большая часть лексики французского происхождения – это имена существительные, то целесообразным представляется свести анализ морфологической адаптации к рассмотрению оформления грамматических категорий в рамках данной части речи.

При заимствовании иноязычные слова лишаются исконных способов выражения рода. Как отмечает Э.А. Балалыкина, основным критерием распределения имен существительных по родам в языке-рецепторе является морфологический облик, независимо от родовой принадлежности в языке-источнике [Балалыкина 1980, с. 17]. Однако это утверждение не объясняет целого ряда сделанных нами (и предыдущими исследователями галлицизмов) наблюдений относительно распределения по родам имен существительных. Скорее, следует отметить наличие двух противоположных тенденций, всякий раз по-иному определяющих ассимиляционную модель: иноязычное слово стремится сохранить свою исконную природу, язык же, принимающий это слово, навязывает ему свои признаки, подчиняет своей системе.

Наиболее простая ассимиляционная модель представлена именами существительными, чей род, в силу совпадения формальных признаков, совпадает с русским. В данную группу включаются а. имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на

произносимый согласный: *un journal* – журнал, *un signal* – сигнал, *un chic* – шик, *un parc* – парк, *un trottoir* – тротуар, *un peignoir* – пеньюар, *un tour* – тур (в т.ч. оформленные при помощи -е немого: *un intervalle* – интервал, *un poste* – почта, *un cirque* – цирк, *un charme* – шарм, *un bagage* – багаж, *un stage* – стаж), на немой согласный, который становится произносимым в языке-рецепторе: *un appétit* – аппетит, *un annetum*, *un ballet* – балет, *un bandit* – бандит, *un billet* – билет, *un gabarit* – габарит, *un raquet* – ракет, *un petit* – не́тум, *un piquet* – пикет; б. имена существительные мужского рода на носовой гласный: *un balcon* – балкон, *un bastion* – бастион, *un canon* – канон, *un caruchin* – капюшон, *un chiffon* – шифон, *un croissant* – круассан, *un gobelin* – гобелен, *un mannequin* – манекен, *un parfum* – парфюм, *un pilon* – пилон, *un tambourin* – тамбурин; в. имена существительные женского рода с основой на мягкий либо шипящий: *une bouteille* – бутылка, *une brioche* – бриошь, *une chenille* – шинель, *une citadelle* – цитадель, *une console* – консоль, *une morale* – мораль, *une vanille* – ваниль, *une touche* – тушь.

Вторая модель – это смена рода имени существительного, обусловленная несовпадением формальных признаков рода в языке-источнике и языке-рецепторе, что открывает простор действия закону аналогии: а. неодушевленные имена существительные, оформленные в языке-источнике финалью -eau, -ot, -é оформляются как существительные среднего рода на -o/-e: *un bureau* – бюро, *un bandeau* – бандо, *un décolleté* – декольте, *un panneau* – панно, *un trumeau* – трюмо, *un tricot* – трико, так же как и сложные слова: *un pince-nez* – пенсне, *un porte-monnaie* – портмоне, *un prêt-à-porter* – прет-а-порте; б. большинство французских имен существительных на -as приобщаются либо к женскому роду с ударным -а и полной парадигмой склонения: *un canevas* – канва, *un taffetas* – тафта либо пополняют категорию несклоняемых имен среднего рода: *un bras* – бра, *un pas* – па; с. Имена существительные на -i/-is, -u, -ou/-out при заимствовании оформляются как несклоняемые существительные среднего рода: *un écu* – экю, *un menu* – меню, *un pari* – пари, *un ragout* – рагу, *un taxi* – такси; в. Часть имен существительных на -le/-l пополняет класс существительных женского рода 3-го склонения: *un châle* – шаль, *un duel* – дуэль, *un rôle* – роль; г. Существительные на -asque становятся при заимствовании именами женского рода: *un casque* – каска, *un masque* – маска; д. Существительные греческого происхождения на -ème традиционно относятся к женскому роду в русском языке: *un diadème* – диадема, *un problème* – проблема, *un système* – система; е. Имена существительные мужского рода на [j],

графически оформленные через финаль -ail, как правило, посредством субституции конечного полугласного русским -ль встраиваются в парадигму 3-го склонения: *un détail* – *деталь*, *un émail* – *эмаль*.

Третья модель наполняется в основном за счет французских существительных женского рода на согласный (либо -е немое), которые с одной стороны, испытывают постоянное давление морфологической системы русского языка, а с другой – подобный же прессинг системы отдающей, т.е. французской, причем обе эти противоборствующие силы примерно равны, в силу чего имена женского рода оформляются в русском языке то посредством флексии -а (как вариант суффикса -к и флексии -а): *une ballade* – *баллада*, *une brochure* – *брошюра*, *une disquette* – *дискета*, *une ferme* – *ферма*, *une lampe* – *лампа*, *une manière* – *манера*, *une nervure* – *нервюра*, *une potpe* – *помпа*, *une rosette* – *розетка*, *une soutane* – *сутана* либо меняют род на мужской: *une barrière* – *барьер*, *une bordure* – *бордюр*, *une garde-robe* – *гардероб*, *une farce* – *фарс*, *une jaquette* – *жакет*, *une limonade* – *лимонад*, *une sorte* – *сорт*, *une volière* – *вольер*.

И, наконец, четвертая модель также представлена в основном именами женского рода на гласную, всегда сохраняющими род в языке-рецепторе, принимая свойственные ему финали: *une avarie* – *авария*, *une batterie* – *батарея*, *une copie* – *копия*, *une fantaisie* – *фантазия*, *galanterie* – *галантерея*. К этой же группе следует отнести существительные женского рода на носовой гласный: *une construction* – *конструкция*, *une irritation* – *ирритация*, *une position* – *позиция*, *une restauration* – *ресторация*, *une station* – *станция*.

С точки зрения оформления категории числа наиболее продуктивная группа галлицизмов – имена существительные, имеющие полную парадигму числа – Sg и Pl. – как в языке-источнике, так и в языке-рецепторе: *une affaire / des affaires* – *афера / аферы*, *un voyage / des voyages* – *вояж / вояжи*, *un émail / des émaux* – *эмаль / эмали*, *un gilet / des gilets* – *жилет / жилеты* и т.п., лишь в некоторых случаях имена существительные относятся к категории *Singularia tantum* и *Pluralia tantum*.

Как показал анализ французской лексики в русском языке, абсолютное большинство существительных полностью вписывается в парадигму того или иного склонения, включаясь в падежную систему русского языка. Совпадая по внешним признакам с исконно русскими словами, они не отличаются от них ни в распределении по типам склонения, ни в самом склонении.

Довольно значительная группа слов французского происхождения не склоняется. Среди существительных нулевого склонения имена

мужского рода, чаще всего одушевленные: *мсье, крупье, карго*; имена существительные женского рода, также одушевленные в большинстве случаев: *инженю, маго, мадам, эмансипе*; неодушевленные имена существительные среднего рода: *антре, бри, меню, су, эжо и т.п.*

Четвертая глава «**Семасиологические отношения лексических параллелей: семантическая адаптация лексики французского происхождения**» рассматривает общие закономерности и специфику семантической адаптации галлицизмов в русском языке. Материал художественной литературы, подвергнутый исследованию с позиций принципа одновременности позволяет выявить доминирующую в диахроническом аспекте тенденцию к расширению семантического объема французского слова в русском языке вследствие непосредственных живых контактов с языком-источником. Сокращение либо сохранение семантического объема как самостоятельные тенденции выделяются весьма условно, исключительно на первых этапах функционирования единицы в русском языке.

Расширение комплекса значений слова, будучи наиболее продуктивным из процессов в сфере семантики романских иноязычій, позволяет выделить несколько самостоятельных моделей, причем в данной большой группе доминирует процесс переноса фигуральных значений из французского языка, что лишний раз подчеркивает продолжающееся влияние языка-источника на галлицизм в условиях непосредственных контактов. Рассмотрим некоторые примеры.

Vedem (vedette). Прототипом заимствования послужило значение: *Par transport du nom du lieu où l'on observe à celui qui observe, un cavalier posé en sentinelle, qui revient promptement donner avis de ce qu'il a découvert* 'перен. от названия места наблюдения на субъект наблюдения, конный часовой, производящий быструю разведку' [Littré]: *ведет* – конный караул, поставленный близ лагеря, близ крепости или близ квартиры генерала [Яновский 1804, т. 1]. В этом значении слово фиксируется лексикографами и функционирует в литературе XIX в., напр., ***Ведеты*** наши были сменены; *трусов наказали больно, унтер-офицера еще больнее*. [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]. Вследствие семантического развития в современном французском языке, где распространяется значение *Personne, chose dont on parle beaucoup* 'человек, объект, о котором много говорят' [Larousse] – и уже в XX в. функционирует в русских текстах: *Так как на этом вечере я была **ведетта**, то такое с моей стороны уважение к таланту Северянина много подняло его в глазах публики*. [Н.А. Тэффи. Моя летопись (1929)].

Plan (plan). «Словотолкователь» Н.М. Яновского фиксирует два значения: 1. В архитектуре чертеж, начертание основы, строения по

мере его длины и ширины, означаемых на бумаге. он изображает горизонтально и плоскоразрезанными стены, простенки, долготу и широту покоев, окон, дверей, печей, строения и положения места.

2. В переносном смысле предначертание, расположение какого сочинения или работы, так же намерение, предмет [Яновский, т. 3, с. 352]. Толкование А.Д. Михельсона много более лаконично: ПЛАН – лат. *planum*, от *planus*, ровный, гладкий. Чертеж; предположение, намерение [Михельсон, 1865]; М. Попов практически повторяет статью «Словотолкователя», тогда как в словаре иностранных слов Ф.Ф. Павленкова, датированном тем же 1907 г., отражено еще одно значение: в живоп. – место, занимаемое в картине тою или иною подробностью, смотря по важности её (на первом, на втором, на заднем плане) [Павленков, 1907]; та же структура приводится А.Н. Чудиновым.

Анализируя данные словарей языка-источника и языка-рецептора, мы делаем вывод, что семантический объем коррелята, хоть и значительно сокращен по сравнению с таковым в оригинале, тем не менее значительно расширился по сравнению с первым вхождением: русским языком были заимствованы значения *dessin d'une ville, d'un bâtiment* 'рисунок города. здания'; *éloignements, plus ou moins grands, où sont placés les personnages et les objets qu'un tableau représente* 'большее или меньшее отдаление, на котором расположены персонажи либо объекты, изображенные на картине'; *dispositions générales d'un ouvrage* 'общий замысел произведения'; *ce qui est comparé à une oeuvre de littérature ou d'art, projet, dessein* 'то, что сравнивается с художественным произведением, проект, набросок' [Littré]. Рассмотрим хронологию их вхождения в русский язык.

По данным Национального корпуса русского языка, активизация в художественном тексте датируется 30-ми гг. XVIII в., причем лексема употреблена в значении «программа сочинения»: *...сия самая ода подала мне весь **план** к сочинению моя «О сдаче города Гданска»* [В.К. Тредиаковский. Рассуждение об оде вообще (1734)]. Уже у Н.М. Карамзина фиксируются два значения, оба в рамках одного произведения – «чертеж, изображение» и «намерение, проект», ср.: *«...сочинять **план** путешествия»*; *«сочинять **план** для остального дня»* и *«Забыв взять с собою **план** Парижа»*; *«он предлагал Лудовику XIV **план** Версальских садов»* [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Далее, на протяжении всего XIX в., значения функционируют параллельно в произведениях разных авторов.

1. Проект литературного произведения: *Надобно нам обдумать и привести в исполнение **план** нашей комедии на скорую руку*

[А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)]; *Окончу мою большую статью <...> я вам третьего дня **план** рассказывал – и пришло ее вам* [И.С. Тургенев. Рудин (1856)].

2. Программа действий: *Составивши такой легкомысленный **план**, он почувствовал краску, вспыхнувшую на его лице* [Н.В. Гоголь. Невский проспект (1835)]; *Андрей Петрович, есть какой-нибудь **план** на нынешний день у вашего благородия?* [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]; *Граф выпил коньяку и начал излагать ему **план** своих будущих действий в области рационального хозяйства* [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)]; *Чтобы доказать ей свою любовь, он выдвигает встречный **план** – работать на двенадцати станках.* [В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]; *...и думать, вспоминать, строить несбыточные **планы*** [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998)].

3. Расположение деталей картины: *...озаренные трепетным, багровым отблеском огня, они составляли первый **план** картины* [М.Ю. Лермонтов. Вадим (1833-1834)]. Во второй половине XIX в. живописный термин послужил основой для развития собственного переносного значения: *...моя любовь отступила как бы на второй **план*** [Ф.М. Достоевский. Игрок (1866)]; *...они уходили тогда на третий **план** и на четвертую скамью* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)]; *Не о бабах речь... Баб всегда на задний **план**... Первое дело – хладнокровие!* [А.П. Чехов. Безотцовщина (1878)]; *Чтоб скрипки вылезли на первый **план**, а мой брат сидел где-то в углу?* [А. Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]; *А на переднем **плане** какой-то герой...* [Евгений Гришковец. Однoврeмeннo (2004)]

4. Чертеж, рисунок вообще: *Что Глупов велик – в этом легко убедится всякий, кто не поленился взглянуть на **план** его* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Глуповское распутство (1857-1865)]; *Набросав **план** местности <...>, мы поехали обратно, чувствуя себя не солоно хлебавши* [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)]; *...схватил он лист бумаги, нарисовал **план** тимофеевского поместья* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Сохранение семантического объема фиксируется в основном для моносемов, напр., **бал** (*bal*). 1. *Assemblée dansante* [Littré]. Н.М. Яновский фиксирует два значения: Бал – 1) съезд, собрание, где танцуют и самый пир; 2) маленький шар, который употребляют при балотировании [Яновский 1804, т. 1, с. 324-325]. Последующими словарями иностранных слов русского языка вторая семема не фиксируется, и в анализируемых нами источниках лексема употребляется только в прямом значении: *Третьего дня был **бал** у К**.*

Народу было пропасть [А.С. Пушкин. Роман в письмах (1829)]; *Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *У нас опять бал и будет красивый поручик* [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]; *...из театра на бал, в маскарад, за город с визитами, чтоб около вас друзья, шум, смех...* [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]; *Весь бал, весь свет, все закрылось туманом в душе Кити* [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]; *можно было предположить, что задорная девушка собирается на свой первый бал* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].

Собственно **сокращение числа семем** при диахроническом анализе семантического развития лексических единиц французского происхождения, как уже отмечалось, регистрируется в исключительно редких случаях, напр., **вояж (voyage)**. Н.М. Яновский дает одно значение: путешествие, дорога, путь, предприемлемый с одного в другое отдаленное какое-либо место сухим путем или морем от праздности, по собственным делам или для приобретения полезных сведений [Яновский, т. 1, с. 491], которое и сохраняется в дальнейших лексикографических описаниях [Михельсон 1865; Павленков 1907; Чудинов 1910]. По сравнению с семантической структурой прототипа, изобилующей производными и переносными значениями, мы отмечаем значительное сужение объема в языке-рецепторе, ср.: 1. Chemin qu'on fait pour aller d'un lieu à un autre lieu qui est éloigné 'путь из одного места в другое'. 2. Campagne, navigation plus ou moins longue 'навигация, морской поход'. 3. Relation des événements d'un voyage 'повествование о путешествии'. 4. Allée et venue d'un lieu à un autre 'посещение каких-либо мест'. 5. Course, commission d'un homme de reine 'комиссия, расходы на транспортировку'. 6. Séjour dans un lieu où l'on ne fait pas sa demeure habituelle 'пребывание в месте, не являющемся домом'. 7. Anciennement, frais qu'on alloait à une partie ou à des témoins 'устар. дорожные расходы' [Littré].

У Н.А. Дуровой нами выявлено употребление анализируемой единицы в первичном значении прототипа: *Это могло б рассмеишить и умирающего; я забываю в ту ж минуту затруднительный вояж по грязным улицам.* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]. Однако данное словоупотребление скорее всего окказионально, и слово функционирует чаще всего в основном, зафиксированном словарями XIX – начала XX вв. значении '**путешествие**', зачастую выступая синонимом исконного: *Вы давно изволили возвратиться из вояжа?..* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Брусин (1847-1848)]; *Много вояжу было; прошлое лето вот тоже в Крым...* [А.Н. Островский. Невольницы

(1881)]; *Готовясь к туристскому вояжу, интеллигент штудирует пособия* [С. Довлатов. Заповедник (1983)].

Явление **семантического сдвига**, обусловленное в основном разрывом полисемии, также регистрируется весьма редко, напр., **пароль** (*parole*). Словарями иностранных слов фиксируется как ‘секретное слово, сообщаемое ежедневно в военное время начальствующим отдельных частей, дежурным офицерам, часовым, чтобы они могли отличать своих от неприятеля <...>’ [Попов 1907].

В этом же значении, отличном от оригинального (‘речь’, ‘слово’) функционирует в литературе: *Сверх этого, рекрут спрашивает пароль таким образом: «Кто идет?»* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Это был условленный пароль. Лица братьев просветлили* [М. Горький. Мать (1906)]; *...некоторые антропологи даже рассматривают их на уровне метаязыка, как своего рода культурные пароли, по которым люди узнают своих соседей по вагону* [В. Пелевин. Желтая стрела (1993)].

В **заключении** излагаются основные общетеоретические выводы по исследованному материалу, обобщаются положения, сделанные в главах диссертации.

Библиографический список литературы содержит список источников, научные труды, произведения художественной литературы и словари французского и русского языков.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ

1. Агеева, А.В. К истории французо-русских языковых контактов в сравнительном освещении / А.В. Агеева, Н.В. Габдреева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4 – С. 125–128.

2. Агеева, А.В. Вариантность как универсальная закономерность освоения иноязычной лексики / А.В. Агеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6-2. – С. 19–22.

3. Агеева, А. В. «Ондулянсион на дому» (О языковой моде в советском обществе эпохи НЭПа на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») / А. В. Агеева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Т. 2. – № 3. – С. 104–106.

4. Агеева, А.В. Фонетическое освоение лексики французского происхождения в русской литературе первой трети XIX века / А. В. Агеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-2 (27). – С. 16–19.

5. Агеева, А.В. Французские вкрапления в русской классической литературе: прагматический аспект / А. В. Агеева // Филология и культура. – 2013. – №4. – С. 7–12.

6. Агеева, А.В. Галлицизмы как средство создания средневековой картины мира в современном русскоязычном фэнтези / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 74–78.

7. Агеева, А.В. Национальная специфика комментария к политической новости в виртуальном франкоязычном дискурсе / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – №2. – С. 89–93.

8. Агеева, А. В. Типология иноязычных вкраплений в русских текстах / А. В. Агеева // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2014. – №1. – С. 153–162.

9. Агеева, А.В. Фреймовая репрезентация национальных особенностей новостных комментариев как жанра интернет-дискурса / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т.14. – №1. – С. 21 – 26.

10. Агеева, А.В. Сравнительные конструкции в пространстве художественного дискурса / И.Я. Балабанова, А.В. Агеева, Т.Е. Калегина // Казанская наука. – 2017. – № 4. – С. 33–35.

11. Агеева, А.В. Феноменология калькирования: французские кальки как системный элемент русского языка / А.В. Агеева, Д.Р. Сабирова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7. – № 4(25). – С. 12–19.

12. Агеева, А.В. Глюттотонический дискурс французского языка как отражение русско-французских языковых контактов: фонетико-графический аспект / А.В. Агеева. Ю.В. Смахтина // Научный диалог. – 2018 – № 2. – С. 9–16.

13. Агеева, А.В. Функционально-семантический статус лексических единиц русской этимологии в современном французском языке / А.В. Агеева, Ю.В. Смахтина // Казанская наука. – 2018. – № 2. – С. 26–28.

14. Агеева, А.В. Лексика русской этимологии во французском гастрономическом дискурсе: из опыта морфологического анализа / А.В. Агеева, Ю.В. Смахина // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. – 2018. – №4. – С. 89–91.

15. Агеева, А.В. Лингвокультурная адаптация англоязычных слоганов во французском рекламном дискурсе / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т.15. – №2. – С. 11–15.

Монографии

1. Агеева, А.В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография / Н.В. Габдреева, А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.

2. Агеева, А.В. Становление и эволюция романского лексического пласта в языке русской художественной литературы (функциональный аспект): монография / А.В. Агеева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 130 с.

3. Агеева, А.В. Словарь технических терминов с переводом на английский, французский, испанский, китайский, арабский языки / Н.В. Габдреева, Р. М. Светлова, А.В. Агеева, Р.Р. Яхина, С. Ибрахим, Шэн Хаун, Д. Диас. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 176 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, включенных в МБД Scopus / Web of Science

1. Ageeva, A.V. The Evolution of the "Comment" Genre: Theoretical Aspect / L.R. Abdullina, A.V. Ageeva, E.A. Smirnova // World Applied Sciences Journal. – 2014. – 29 (3). – P. 354–358.

2. Ageeva, A.V. Semasiological relations between the lexical parallels in the French and Russian languages (a case study of the French borrowed vocabulary) / A.V. Ageeva, L.R. Abdullina, N.R. Latypov // Journal of Sustainable Development. – 2015. – V. 8., Is. 4. – P. 53–60.

3. Ageeva, A.V. Language situation in the Russian society at the start of the 19th century: Bilingualism or diglossia? / A.V. Ageeva, V.N. Vassilyeva, G.I. Galeyeva // Journal of Language and Literature. – 2015. – V. 6., Is. 1. – P. 322–326.

4. Ageeva, A.V. Enchancing Students' Learning Motivation through Reflective Journal Writing / K.M. Amirkhanova, A.V. Ageeva, R.M. Fakhretdinov // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – 2016. – Vol. XII. – P. 14–18.

5. Ageeva, A.V. On-line/Internet comments as the reflection of national mentality (case study of the French and Russian languages) /

A.V. Ageeva, L.R. Abdullina, N.R. Latypov // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. – 2016. – Special Ed. – P. 1016–1021.

6. Ageeva, A.V. Gallicisms in the Russian Language: Theory and Practice of Language Contact Study / A.V. Ageeva, N.V. Gabdreeva, K.M. Amirkhanova // The Social Sciences. – 2016. – 11 (17). – P. 4085–4088.

7. Ageeva, A.V. Linguistic Axiological Component of Academic Interpreter / Translator Training / E.G. Solovyova, D.R. Sabirova, A.V. Ageeva // The 10th Annual International Technology, Education and Development Conference. – Valencia: IATED, 2016. – P. 48–56.

8. Ageeva A. Developing information competence: a case study of linguistics major / F. Yarullina, A. Ageeva, R. Galimova // The 11th Annual International Technology, Education and Development Conference. – Valencia: IATED, 2017. – P. 4505–4512.

9. Ageeva, A. Internet comments as means of developing social and cultural competence of students in linguistics major / A.V. Ageeva, L.R. Abdullina, M. S. Lukina // The 11th Annual International Technology, Education and Development Conference. – Valencia: IATED, 2017. – P. 4462–4469.

10. Ageeva, A.V. Phonological interpretation of french vowels in Russian / A.V. Ageeva, N.V. Gabdreeva, I.Ya. Balabanova // Quid-Investigacion Ciencia Y Tecnologia. – 2017. – Is.28. – P. 405–411.

11. Ageeva, A.V. Functional and stylistic status of foreign inclusions in the Russian literature of XIX – XXI centuries / A.V. Ageeva, N.R. Latypov // Quid-Investigacion Ciencia Y Tecnologia. – 2017. – Is. 28. – P. 328–333.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

1. Ageeva, A.V. Лексика французского происхождения в русском языке новейшего периода: особенности функционирования / A.V. Ageeva, N.V. Gabdreeva // В. А. Богородицкий и проблемы современного языкознания: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Казань: ТГПУ, 2007. – С. 3–5.

2. Ageeva, A.V. Прототип и коррелятивное заимствование: семасиологические отношения. Семантическая ассимиляция французской иноязычной лексики / A.V. Ageeva // Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языков. Матер. науч. конф. – Елабуга: ЕГПУ, 2007. – С. 9–12.

3. Ageeva, A.V. Морфологическая адаптация франкоязычной лексики в русском языке новейшего периода / A.V. Ageeva // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. Матер. науч.-практ. конф. – Москва: РУДН им. П. Лумумбы, 2007. – С. 5–8.

4. Агеева, А.В. Аналитические формы и композиты французского происхождения в современном русском языке / А.В. Агеева // Лингвистические исследования: сб. науч.-метод. работ. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 3–8.

5. Агеева, А.В. К вопросу о семантическом развитии (на примере лексики французского происхождения в русском языке новейшего периода) / А.В. Агеева // Лингвистические исследования: сб. науч.-метод. работ. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 8–15.

6. Агеева, А.В. Вторичное заимствование как источник семантического развития на примере иноязычной лексики французского периода / А.В. Агеева // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Отечество, 2009. – С. 28–33.

7. Агеева, А.В. Фонетическая ассимиляция галлицизмов в русском языке новейшего периода / А.В. Агеева // Теория и практика подготовки учителя иностранного языка: опыт, проблемы, перспективы: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию ФИЯ ТГГПУ. – Казань: МОиН РТ, 2010. – С. 507–510.

8. Агеева, А.В. К вопросу об оформлении категории рода иноязычной лексики в современном русском языке (на примере французских заимствований) / А.В. Агеева // Филология и образование: современные концепции и технологии: матер. Междунар. науч. конф. – Казань: МОиН РТ, 2010. – С. 7–9.

9. Агеева, А.В. Особенности ввода иноязычной лексики в русский текст на материале переводов художественных и художественно-публицистических текстов / А.В. Агеева // I Международные Российско-Французские Лингвистические Чтения: Франция – Россия, Россия – Франция: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – С. 26–30.

10. Агеева, А.В. О некоторых особенностях создания исторического колорита в произведениях современной литературы (на материале романа Андрея Валентинова «Овернский клирик») / А.В. Агеева // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Отечество, 2011. – С. 31–35.

11. Агеева, А.В. Языковой снобизм в речи представителей бывшей русской аристократии (по мотивам романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») / А.В. Агеева // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2012. – С. 24–31.

12. Агеева, А.В. Иноязычные вкрапления в произведениях русской классической литературы как отражение проблемы «свое – чужое» в сознании представителей русского общества XIX века / А. В. Агеева, И. В. Корзунин // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2012. – С. 31–39.

13. Агеева, А.В. Галлицизмы в жанре фэнтези с точки зрения фреймового подхода / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина // Humanitas. – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – С. 3–8.

14. Агеева, А.В. Роль галлицизмов в жанре фэнтези / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина // Лінгвістика. Лінгвокультурологія. – 2013. – Т.6. – С. 104–111.

15. Агеева, А.В. Галлицизмы в русской классической литературе: несколько слов о фонетической адаптации (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин») / А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2013. – С. 87–91.

16. Агеева, А.В. Механизмы неологизации лексики (на материале экономических терминов французского языка) / А.В. Агеева, Е.С. Голдырева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2013. – С. 24–28.

17. Агеева, А.В. Терминология французского происхождения в русском языке: история и современность / А.В. Агеева, М.А. Порозова // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2013. – С. 28–33.

18. Агеева, А.В. Устаревшая лексика французского языка в историко-функциональном освещении / А.В. Агеева, А.А. Хамидуллина // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2013. – С. 37–41.

19. Агеева, А.В. Французские заимствования в русской технической терминологии: роль, активизация, функционирование / А.В. Агеева, М.А. Порозова // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2013. – С. 82–87.

20. Агеева, А.В. Le français: истоки, причины, основные тенденции развития / А.В. Агеева, Р.Р. Сагиева // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2013. – С. 33–37.

21. Агеева, А.В. Процесс заимствования иноязычной лексики в исторической перспективе на материале русского и французских языков / А.В. Агеева, Е.И. Хромова // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2014. – С. 105–110.

22. Агеева, А.В. Лексико-семантические корреляции как основа процессов интерференции при изучении русского языка / А.В. Агеева, Н.В. Габдреева // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе: матер. III Междунар. науч.-метод. конф. – М.: МГИМО Университет, 2014. – С. 209–213.

23. Агеева, А.В. Русско-французские языковые контакты: процесс заимствования и ассимиляции как следствие межкультурной коммуникации / А.В. Агеева, Н.В. Габдреева // Коммуникативные исследования. – 2014. – №1. – С. 221–232.

24. Агеева, А.В. Лингвистические особенности языкового сознания естественных билингов / А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Хэтэр, 2014. – С. 46–49.

25. Агеева, А.В. Paysage linguistique du Maghreb / А.В. Агеева, А. Морен // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Хэтэр, 2014. – С. 68–73.

26. Агеева, А.В. Испанская лексика в современном французском языке (исторический комментарий) / А.В. Агеева, Э.И. Сахратова // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2014. – С. 37–42.

27. Агеева, А.В. Французская лексика в русском языке сферы косметологии и моды / А.В. Агеева, К.Р. Маметова // Французский язык и методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2014. – С. 31–36.

28. Агеева, А.В. Английская лексика в языке пользователей компьютерных онлайн-игр: анализ основных тенденций (на материале русского и французского языков) / А.В. Агеева, К.Р. Кашефразова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Междунар. конф. (V Бодуэновские чтения): тр. и матер. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 27–29.

29. Агеева, А. В. Заимствование и пуризм: ретроспективный анализ / А.В. Агеева, А.В. Луконина // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Вестфалика, 2015. – С. 104–109.

30. Агеева, А.В. Иноязычные вкрапления как средство заполнения лексических лакун (на материале творчества А.С. Пушкина) / А.В. Агеева // Современные направления в лингвистике: традиции и новаторство: Матер. IV междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2015. – С. 69–78.

31. Агеева, А.В. Средневековая картина мира (на материале современного русскоязычного фэнтези): некоторые аспекты функционирования галлицизмов / А.В. Агеева, Р.Р. Булатова // Французский язык и методика его преподавания. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2015. – С. 5–9.

32. Агеева, А.В. Артурианская легенда: лексический аспект воссоздания средневекового антуража в современном фэнтези / А.В. Агеева, Р.Р. Булатова // Terra Linguae. Сб. науч. ст. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 116–119.

33. Агеева, А.В. Жанрово-стилистические особенности французских блогов / О. И. Ребрик, А. В. Агеева // Terra Linguae. Сб. науч. ст. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 217–220.

34. Агеева, А.В. Терминология экстремальных видов спорта в русском языке: некоторые особенности функционирования / М.А. Жданова, А.В. Агеева / Terra Linguae. Сб. науч. ст. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 124–127.

35. Агеева, А.В. Структурные особенности терминологии прыжков в воду (на материале английского, французского и русского языков) / Ф.Ф. Якупова, А.В. Агеева // Terra Linguae. Сб. науч. ст. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 142–145.

36. Агеева, А.В. Формирование и эволюция языка пользователей онлайн-игр (на материале английского, русского и французского языков) / А.В. Агеева, В.Н. Мерзляков // Французский язык и методика его преподавания. Сб. науч. тр. – Казань: Хэтэр, 2015. – С. 14–20.

37. Агеева, А.В. Феномен ложных друзей переводчика в научно-популярной и научно-технической литературе / Э.И. Сахратова, А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Вестфалика, 2015. – С. 132–137.

38. Агеева, А.В. Сленг пользователей онлайн-игр: от заимствования к словотворчеству (на материале русского и французского языков) / А.В. Агеева, В.Н. Мерзляков // Terra Linguae. Сб. науч. ст. – Казань, 2015. – С. 209–211.

39. Агеева, А.В. Основные тенденции становления фонетико-графического облика англицизмов во французском языке IT-сферы /

А.В. Агеева, Р.Р. Садретдинов // Terra Linguae. Сб. науч. ст. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 72–74.

40. Агеева, А.В. Изменения категории рода галлицизмов в свете морфологической ассимиляции / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина // Концепт и культура: сб. ст. VI Междунар. науч. конф. – Кемерово–Ялта, 2016. – С. 595–600.

41. Агеева, А.В. Словесность не старше Ломоносова: процессы калькирования в русском языке XIX века / А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2016. – С. 62–67.

42. Агеева, А.В. Фонологическая интерпретация французских элементов в русском языке (на материале фонем [ε] открытой и [e] закрытой) / А.В. Агеева // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследования Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф.: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – Т.1. – С. 17–22.

Учебно-методические пособия

1. Агеева, А.В. Moyens de communication (Учебное пособие-практикум по практике речи для студентов младших курсов) / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева. – Казань: Веда, 2011. – 110 с.

2. Агеева, А.В. Vie pratique: repas- mode – achats: Учебное пособие по практике устной и письменной речи французского языка / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева. – Казань: КФУ, 2013. – 109 с.

3. Агеева, А.В. Vie virtuelle: communication – Internet – réseaux sociaux. Учебное пособие / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина. – Казань: КФУ, 2017. – 138 с.

4. Агеева, А.В. A travers les pages de la presse: учеб. пособие / А.В. Агеева, Т.Е. Калегина, И. Я. Балабанова. – Казань: КФУ, 2017. – 102 с.

5. Агеева, А.В. Interprétation du texte littéraire. Учебное пособие / Ф.И. Яруллина, А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина. – Казань: КФУ, 2017. – 116 с.

Агеева Анастасия Владимировна

**КОНВЕРГЕНТНО-ДИВЕРГЕНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РОМАНСКОГО ПЛАСТА
В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XIX – XXI ВВ.**

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени доктора филологических наук

Подписано в печать
Формат 64×84/16. Бумага писчая.
Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Вестфалика»
420111, г. Казань, ул. Московская, 22